

НОРМАН КОУПЛЕНД

ПСИХО- ЛОГИЯ И СОЛДАТ

НОРМАН КОУПЛЕНД

ПСИХОЛОГИЯ И СОЛДАТ

*ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
А. Т. САПРОНОВА И В. М. КАТЕРИНИЧА*

2-е издание

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1991

NORMAN COPELAND
**PSYCHOLOGY
AND THE SOLDIER**

HARRISBURG

Коупленд Н.

К74 Психология и солдат/Пер. с англ. А. Т. Сапронова и В. М. Катерипича. — 2-е изд. — М.: Воениздат, 1991. — 96 с.

ISBN 5—203—01275—X.

Застав часового спящим, Наполеон сам заступает на пост. Командир дивизии просит совета у солдата, с мнением которого никто прежде не считался. Оправданы ли такие действия начальников по отношению к подчиненным? На этот и другие вопросы, связанные с искусством влиять на людей, отвечает книга известного английского психолога Н. Коупленда.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

К 1308000000—128 —КБ—5—11—1991
068(02)—91

ББК 68.48

ISBN 5—203—01275—X

© Предисловие, В. Ф. Порываев, 1991
Оформление, Воениздат, 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

Характер и темперамент, задатки и способности, авторитет и лидерство, храбрость и воля, мужество и героизм—эти и многие другие проявления психологии человека имеют большое значение в воинской деятельности, и в первую очередь в боевой обстановке. Исследованию их и посвящена книга английского военного психолога Нормана Коупленда «Психология и солдат». Она неоднократно переиздавалась за рубежом, что свидетельствует о большом интересе к ней читателей, главным образом военнослужащих. У нас книга впервые вышла в свет в 1958 году. Сейчас ее не в каждой библиотеке можно найти.

Чем же книга «Психология и солдат» завоевала столь широкую популярность среди читателей, в том числе советских? Чем она ценна для нас сегодня? Думается, прежде всего тем, что в определенной мере восполняет дефицит литературы в области человековедения. Изучение войсковой практики показывает: многие просчеты в воспитательной работе обусловлены недостаточными знаниями офицеров в области практической психологии. Нет сомнения, что в ходе военной реформы сложится новый тип офицера-руководителя. Авторитет его во многом будет определяться способностью быть как бы конструктором общественного мнения в коллективе, умением разумно организовать труд, мобилизовать подчиненных на выполнение стоящих задач. В книге Н. Коупленда можно найти немало хороших советов на этот счет.

Книга привлекает интересными рекомендациями, поучительными примерами из практики обучения и воспитания военнослужащих английской армии, доходчивой формой изложения материала. Определенный интерес для советского читателя представляют без претензий на истину следующие наблюдения автора: «Строевая подготовка окажется более плодотворной и менее утомительной, если солдаты будут понимать ее истинную цель. Эта цель заключается в том, чтобы: а) добиться согласованности действий и б) сделать повиновение привычным». Или: «Глупый упрек: «Вы здесь

не для того, чтобы думать», который так часто срывается с уст не слишком образованных сержантов, должен быть заменен другим: «Вы здесь для того, чтобы думать». И на казарменном плацу, и в классе каждого солдата пужно заставить думать не только за себя, но и за других солдат подразделения». Читатель обратит внимание на обоснованные условия, которые предлагает Н. Коупленд для укрепления дисциплины:

1. Руководитель знает каждого своего подчиненного.
2. Каждый подчиненный знает своего руководителя.
3. Руководитель неизменно солидаризуется с коллективом.
4. Вся группа сплочена в коллектив, воодушевленный энтузиазмом руководителя.
5. Группа проникнута высоким духом товарищества.
6. Коллектив хорошо обучен, энергичен, инициативен.

Поучительными представляются мысли о динамике требовательности командира: «Чтобы не допустить крупных нарушений дисциплины, надо следить за мелкими недостатками, вовремя и решительно устраняя их»; «Помните, что натянуть брошенные вожжи невозможно»; «Более активным воспитателем является тот, кто способен оказать такое влияние на коллектив, чтобы каждый его член поддерживал порядок».

Книга изобилует примерами нестандартных действий начальников. Так, тщательно анализируется мотивация действий Наполеона, который при проверке караула обнаружил спящего часового и, вместо того чтобы вызвать подразделение для расстрела нарушителя, лично занял оставленный пост.

Много места уделено секретам успешного руководства подразделением. На примерах жизни выдающихся руководителей автор делает выводы: «Они имели хорошее профессиональное образование и обладали уверенностью, которая вырастает из умения. Свое высокое профессиональное искусство и разносторонние познания они соединяли с глубоким личным вниманием к своим подчиненным»; «Преуспевающий руководитель — это человек, который умеет первым видеть главное в жизни. Но никто не может стать великим или даже просто хорошим руководителем только с помощью знаний. Необходимо обладать смелостью, уверенностью в себе, хладнокровием в минуту опасности. Образование не дает этих качеств, но их можно воспитать»; «Все искусство руководства солдатами может быть выражено формулой: сделать их оптимистами»; «Каждый руководитель

должен остерегаться искушения недооценить силы противника».

Подробно излагаются основы установления социально-психологической дистанции в отношениях «командир — подчиненные». Необходимая ее величина определяется многими условиями. Для правильного действия руководителю важно не только уметь учитывать эти условия, но и располагать определенными навыками, чтобы плавно увеличивать или сокращать дистанцию. Все это относится к искусству, но такому, которому, по мнению автора, можно и нужно учиться. Как с этим не согласиться?

Нельзя не отметить обстоятельного анализа проблемы индивидуальной работы с личным составом. Понимая, что изучение особенностей личности не самоцель, Н. Коупленд считает, что знание солдат — это только первый шаг на пути завоевания их доверия и уважения. Руководителю следует знать образ мыслей своих подчиненных, их думы и настроения, источник недовольства и тревог, семейную жизнь, прошлое и надежды на будущее. Если он глубоко интересуется солдатами, все это должно быть известно ему. Но для этого он должен быть максимально доступным.

Современные войска нуждаются в высоком моральном состоянии в большей мере, чем прежние армии, ибо научно-технический прогресс создает все новые и новые виды оружия и боевой техники. Н. Коупленд справедливо замечает, как тяжело солдатам на поле боя, где изрыгают смертоносный огонь танки, орудия, огнеметы, пикируют бомбардировщики. Однако такая картина боя характерна уже ушедшему времени — периоду второй мировой войны. Ныне войска готовятся действовать в условиях применения ядерного оружия, поражающая сила которого во много раз превосходит возможности любого другого оружия прежних войн. Значит, и моральная сила солдат и офицеров должна быть намного крепче.

Разумеется, далеко не все рекомендации западного психолога приемлемы для командиров и политработников Советской Армии. Настораживает, например, утверждение о том, что моральный дух солдат определяется расой. «Как солдат немец уступает солдатам других рас, — пишет Н. Коупленд. — По общему мнению, немецкие формирования в период гражданской войны в Америке сражались хуже ирландских». Это утверждение выглядит, по меньшей мере, спорным.

Нельзя согласиться и с категоричностью такого заключения: «Когда борьба принимает затяжной характер, исход

ее решает моральная, а не физическая сила». В книге Н. Коупленда содержится утверждение: «Конечная цель любого сражения скорее психологическая, чем физическая. Подлинная цель заключается не столько в том, чтобы уничтожить противника или отрезать его от тыла, сколько в том, чтобы подорвать его волю к продолжению борьбы». Не исключено, что у читателя вызовут сомнение такие формулы: «Всю свою жизнь — от рождения до смерти — человек пребывает в состоянии страха»; «Всегда гораздо эффективнее немедленное наказание»; «Преступления часто вызывает сам закон».

В рассуждениях о коллективе Н. Коупленд противоречит сам себе. С одной стороны, по его мнению, в коллективе наименее развитые умы снижают до своего уровня умственные способности всего коллектива, а с другой — оказывается, что коллектив, в котором развито чувство общей цели, всегда будет более эффективным, чем тот, в котором оно не развито.

Не выдерживает критики и утверждение о том, что общая цель небольших подразделений — взвода, роты, батальона состоит в том, чтобы продемонстрировать превосходство перед другими подразделениями. Но данная мысль неголословна. Понимая значимость силы социально-психологических механизмов сплочения, Н. Коупленд вынужден искать средства и находит их в эмоциональной сфере человеческого общения. При этом за пределами его взгляда, естественно, остаются мировоззренческие установки, классовые интересы, отношения ответственной зависимости, которые обладают цементирующей силой социалистического воинского коллектива.

И все же теневые моменты книги не заслоняют все то положительное, что в ней есть. Командиры и политработники сами разберутся, какие рекомендации Н. Коупленда можно позаимствовать и, преломив через призму нашей действительности, применить в своей практике.

Полковник В. Перевалов,
кандидат психологических наук,
член Советской социологической ассоциации

Часть I

ПСИХОЛОГИЯ И МОРАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ВОЙСК

Справедливое дело вселяет в солдатские сердца жизнь и мужество.

Солдатский катехизис, 1644 год

Глава первая

АМЕРИКАНСКАЯ ВОЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Вступив в 1917 году в Великую войну¹, Соединенные Штаты Америки признали, что войны выигрываются людьми, а не кораблями, танками, орудиями, снарядами, самолетами и бомбами. Эта истина в течение долгого времени предавалась забвению, однако американцы, с типичной для них проницательностью и деловитостью, тотчас ухватились за нее и соответственно перестроили свою стратегию. Они поняли, что война — это бизнес, а поскольку необходимо было выиграть войну, надо было вести ее со знанием дела.

Прийти к этому заключению Америке в известной мере помогла важность проблемы, стоявшей перед ней. Миллионы американских граждан плохо знали английский язык. Это были люди, происходившие из тевтонов и семитов, романских и славянских народов, азиатов и негров. Десятки тысяч мужчин призывного возраста, по европейским стандартам, были неграмотны. Казалось, нет такого общего знаменателя, под который можно было бы подвести решение столь сложной общественной проблемы.

Однако правительство поступило так, как это сделал бы любой орган, укомплектованный здравомыслящими людьми. Оно проконсультировалось у специалистов, основным занятием которых было решение подобных вопросов. Данная конкретная проблема касалась людей. Существует ли отрасль знаний, занимающаяся изучением людей? Да, существует. Это психология. Превосходно! В таком случае пусть психологи и дают ответ.

¹ Имеется в виду первая мировая война 1914—1918 годов. — *Прим. ред.*

Психологи дали ответ, разработав методы, с помощью которых можно было определять уровень умственного развития людей, их способности и приспособляемость. Они научили командование вооруженных сил отбирать людей для выполнения специальных задач. Психологи отыскивали наиболее развитых людей для обучения в офицерских школах и выявляли неспособных. Они пришли к выводу, что глупцы служат помехой и тормозят обучение способных военнослужащих, не говоря уж о том, что на них впустую тратятся время и деньги. В учебные группы направлялись военнослужащие с одинаковым умственным развитием, чтобы более способные быстрее овладевали военными знаниями. Для определения уровня умственного развития и способностей неграмотных и не знающих английского языка были использованы весьма остроумные приемы.

Но психологи не довольствовались этим. Они понимали, что людьми можно руководить только в том случае, если они хотят, чтобы ими руководили. Если они не хотят этого, их можно только принуждать. Руководство намного экономичнее и действеннее, чем принуждение. Обратив внимание на эту дополнительную проблему, психологи решили последовать за рекрутами в лагерь и казармы. Они откопали афоризм Наполеона: «Духовная сила относится к физической, как три к одному». Это давнишнее изречение имеет особенно притягательную силу для такого народа, как американский. Разве нет универсальных магазинов, недельный оборот которых превышает месячный оборот их конкурентов? Разве нет торговцев, продающих за месяц больше, чем их соперники в течение года? Несомненно есть. В таком случае одна дивизия с высоким моральным состоянием личного состава может заменить по крайней мере три дивизии, не обладающие этим качеством. Это дешевле и, конечно, гораздо эффективнее.

«Моральный дух — самая важная движущая сила, придающая эффективность вооружению и оправдывающая расходы». Так сказал американец. Англичанин или немец забыл бы упомянуть о расходах. Психологи склонили военные власти к экспериментированию. События в Америке развивались стремительно. В мае 1917 года, месяц спустя после вступления Соединенных Штатов в войну, отдел военной психологии направил начальнику лагеря Гринлиф, Форт-Оглторп, получившую одобрение обстоятельную программу. Был назначен офицер лагеря по вопросам морального состояния, которому предстояло «развивать осмысленное отношение к службе, а также отыскивать наиболее

привлекательные формы и наиболее выгодные методы его внедрения».

Из отдела военной психологии в лагерь Гринлиф прибыла специальная группа в составе тридцати пяти человек, которая должна была заниматься вопросами морального состояния¹. Перед входом в лагерь соорудили огромный навес. Представители этой специальной группы встречали все поезда, здоровались за руку с каждым рекрутом и приглашали его в лагерь. Независимо от времени суток, в которое прибывали новобранцы, они принимали ванну и получали первоклассную пищу. Это был надежный метод психологического воздействия, так как принятая ванна и свежее белье подсказывали солдатам мысль, что с прежней жизнью покончено, а первоклассная пища убеждала, что новая жизнь обещает много приятного. Сержант по моральным вопросам обучал рекрутов заправлять кровати, знакомил их с расположением лагеря. На этой стадии все указания давались в духе дружеских советов.

Утром всех прибывших в лагерь рекрутов отводили в так называемую информационную палатку, являвшуюся центром работы по укреплению морального состояния. Здесь им вручали карточки со следующей надписью:

«Теперь ты солдат Соединенных Штатов, солдат, избранный своей страной для борьбы за свободу во всем мире. Шагай, как солдат! Думай, как солдат! Действуй, как солдат! Будь солдатом! Вначале это будет нелегко. Ты можешь столкнуться с вещами, которых не понимаешь. Не беда. Все хорошие солдаты овладевали тем, что ты начинаешь изучать. Помни, что ты идешь под стягом, который никогда не прикрывал несправедливой войны. Помни, что американская армия никогда не терпела поражений. Выполняй свой долг, и этого никогда не случится. Держи голову высоко поднятой, глаза открытыми и улыбайся».

На оборотной стороне карточки были написаны фамилия солдата, рота, адрес лагеря — это должно было служить как установлению личности, так и воодушевлению солдат.

С солдатами беседовали о дисциплине, порядке в лагере, играх, книгах, болезнях, явке к врачу, переписке с домом, обмундировании и питании. Рекруты разучивали бодрую строевую песню, а затем знакомились с капелланом.

¹ Опыт деятельности этой группы был использован в период второй мировой войны специальной службой при разработке ею программы боевой подготовки войск. — *Прим. авт.*

В заключение им раздавали чистую бумагу, ручки, перья, чернила и все писали письма домой. В каждый конверт вкладывалось также письмо, подписанное командиром батальона:

«Такой-то благополучно прибыл в наш лагерь. Он будет находиться здесь в течение некоторого времени, чтобы привыкнуть к армейской жизни и получить первые элементарные знания, необходимые всем нашим солдатам. Армия обеспечивает его обмундированием, хорошей пищей, удобным помещением, медицинским обслуживанием. Но весьма желательна и ваша помощь. Поддержите его вашей верой и вниманием. Чаще пишите. Получение письма — для солдата большое событие, отсутствие писем вызывает подлинное разочарование. Если дома случается приятное событие, пишите о нем. Если вы гордитесь своим солдатом, напишите ему об этом. Пусть он будет уверен в вашей поддержке. Не огорчайтесь, если ваши первые письма задержатся. Это иногда случается. Пишите, как и прежде, и вы убедитесь, что он получит все, что вы написали, даже в том случае, если это потребует некоторого времени. Всегда помните, что вы тоже составляете часть американской армии: вы — армия воодушевления и энтузиазма. Посылайте вашему солдату письма, проникнутые этими чувствами, и вы поможете и нам и ему. Его адрес:...»

Несомненно, найдутся люди, которые осудят такую форму обращения, заметив: «Это же не по-английски». Эти твердолобые готовы скорее проиграть войну, лишь бы все было по-английски, чем выиграть ее иностранными методами. Письмо командира батальона было мастерским психологическим приемом. Если бы такие письма посылались из каждого лагеря, они помогли бы каждый дом нашей страны объединить с армией, и моральный дух всей нации непереносимо поднялся бы. Эффективность обращения командира подтвердило множество писем, которые он получил в ответ. Они, эти американцы, неглупые люди. «Моральный дух — самая важная движущая сила!» Скорость этой движущей силы можно существенно увеличить, если будут известны факторы, обеспечивающие первоначальный толчок. Тогда удар будет еще более сокрушительным.

Нет необходимости отмечать, что особое внимание уделялось подбору людей в специальную группу. Тип сержанта-горлопана был решительно отвергнут. Только люди с превосходным характером и замечательными личными качествами, только люди, от природы одаренные обаянием, допускались к этой в высшей степени важной работе. Сер-

жант милосердия в каждой роте отвечал за получение личным составом медицинской помощи. Он же давал советы по самым разнообразным вопросам: о почтовой корреспонденции, играх и т. д. Что касается развлечений, то солдат поощряли проявлять таланты в самодеятельных концертах, в боксе, борьбе, хоровом пении, рассказах о войне. Точно так же во Франции каждая дивизия имела специальную организацию, занимавшуюся вопросами морального состояния. Как союзники, так и противники вынуждены были признать, что в сражениях первой мировой войны американская армия проявила великолепный боевой дух. И в этом большая заслуга американской науки.

В 1920 году всемирно известный психолог доктор Дж. Степpli Холл писал: «Цивилизованный мир все острее чувствует необходимость морального воспитания, и в этой области возникло много противоречивых направлений. Однако до сих пор многие, подобно Сократу, сомневаются в возможности привить добродетель. Изучив же программу Гринлифа, никто не станет оспаривать, что высокого морального состояния войск можно добиться. Если бы все идеалы этого лагеря были реализованы — что несомненно случилось бы, если бы война продлилась дольше, — а его программы были бы разработаны более детально, мир получил бы урок величайшей ценности».

Глава вторая

МОРАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ВОЙСК — СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ

Моральное состояние можно назвать секретным оружием общества. Некоторое время назад Гитлер применил против нас секретное оружие — магнитную мину, но она оказалась не столь секретной, как он думал. Правда, мина причинила большой ущерб и вызывала серьезное беспокойство, пока ее секрет оставался неоткрытым. Однако в сравнительно короткое время английские моряки сумели выловить, разоружить и разобрать одну мину. Секрет перестал быть секретом. Простой аппарат, которым снабжались все наши корабли, оказался достаточным средством для того, чтобы свести на нет действенность одного из наиболее разрушительных и простых видов современного оружия.

В этом смысле моральное состояние не является оружием и не представляет секрета. О его существовании бы-

ло известно тысячи лет назад. Но только талантливые руководители оказались в состоянии оценить и использовать его. Наполеон, пожалуй, лучше других выдающихся полководцев понимал значение морального состояния войск. Он говорил, что один солдат, обладающий высоким боевым духом, стоит трех, лишенных этого оружия. Моральное состояние представляет секрет лишь постольку, поскольку оно невидимо и неосяземо. Это самое могущественное оружие, известное человеку; более могущественное, чем самый тяжелый танк, чем самое мощное артиллерийское орудие, чем самая разрушительная бомба. Высокое моральное состояние войск — это средство, способное превратить поражение в победу. Армия не разбита, пока она не прониклась сознанием поражения, ибо поражение — это заключение ума, а не физическое состояние.

Приведем выдержку из наставления по боевой подготовке: «Укрепление морального состояния войск — важнейшая задача боевой подготовки. Моральная устойчивость войск складывается из дисциплины, боевого духа, воли к победе, самообладания, чувства собственного достоинства, преданности долгу, высокого сознания чести».

Нелегко найти удовлетворительное определение такому не поддающемуся исчислению качеству, как моральное состояние, однако нас поймут, если мы определим его как духовное состояние. Моральное состояние — более широкое понятие, чем физическое или умственное состояние. Его нельзя заключить в узкие рамки нравственности. Действительно, это что-то выходящее за пределы всех этих понятий, вместе взятых, и в то же время исходящее из них. Называя моральное состояние духовным, мы не собираемся относить его к прерогативам людей набожных или спиритуалистов. Это определение мы используем в философском, а не в теологическом смысле, и тот, кому оно не правится, может называть его психологическим состоянием, хотя это определение будет менее удовлетворительным.

Каждый знаком с влиянием высокого морального состояния. Иногда третьеразрядная футбольная команда побеждает первоклассную, хотя по своему мастерству она безнадежно отстает от последней. Здесь моральное состояние берет верх над мастерством. Во время отступления из района Монса в 1914 году сравнительно малочисленные английские войска можно было легко уничтожить, но более высокое моральное состояние англичан взяло верх над превосходством немецких войск в численности. Наступление

немцев удалось приостановить не огнем, который был тогда исключительно интенсивным, а силой воли. Или взять пример с немецким «карманным» линейным кораблем «Граф Шпее». По любой физической оценке он должен был вдребезги разбить «Эксетер», «Аякс», «Ахиллес»¹, ибо обладал подавляющим превосходством в артиллерии. Но случилось иначе — он был так поврежден, что команда вынуждена была затопить его. Победа над «Графом Шпее» была одержана также благодаря огромной силе воли экипажей английских кораблей, которые обладали таким высоким боевым духом, что он восполнил недостаток в мощи орудий. Не будь этого превосходства, экипажи неизбежно оказались бы на дне.

Трагическое влияние низкого морального состояния как нельзя более наглядно отразилось на Франции. Нация, которая всегда славилась своей жизнестойкостью, была повержена в течение нескольких недель; ее руководители оказались в цепях, армия — в плену, пресса — в наморднике. Ее богатства были разграблены, а народ подавлен.

В своей яркой книге «Почему пала Франция» Андре Моруа пишет: «Сейчас можно сказать, что война была проиграна Францией в тот самый момент, когда она началась». Одна только абсолютизация линии Мажино, выразившаяся в передаче всей инициативы противнику, была уже поистине пагубной, но еще большие опасности таили в себе другие факторы. Материальное положение армии было из рук вон плохим из-за недостатка современного вооружения и снаряжения. Руководство было обескуражено: годами оно довольствовалось изучением общественного мнения, вместо того чтобы воздействовать на него. Предприниматели и рабочие видели друг в друге исконных врагов, что исключало возможность создать единый фронт против коварного противника. Таким образом, жизнеспособность нации подвизалась, а не укреплялась. Перечисленные факторы относятся преимущественно к моральным, и они привели к разгрому первоклассной державы.

Не будет ошибкой отметить, что, если не искоренить эти пороки, они могут привести к разложению любого коллектива, будь то батальон, полк или армия.

Падение Франции обусловили следующие причины: 1) плохое руководство; 2) отсутствие того, что мы называ-

¹ Английские крейсера, напесшие тяжелые повреждения немецкому «карманному» линейному кораблю «Граф Шпее», который был затоплен своей командой в устье реки Ла-Плата 17 декабря 1939 года. — *Прим. ред.*

ем духом товарищества; 3) низкое моральное состояние; 4) недостаток инициативы и 5) недисциплинированность. Если дать время, то любой из этих пороков может повергнуть цивилизацию в прах.

Заканчивая с этим вопросом, небезынтересно хотя бы бегло ознакомиться с некоторыми советами, которые дает Моруа:

«Быть сильным. Если нация не готова умереть за свою свободу, она потеряет ее.

Действовать быстро. Десять тысяч самолетов, построенных одновременно, лучше, чем пятьдесят тысяч после сражения.

Руководить общественным мнением. Руководитель указывает путь, а не идет на поводу.

Хранить единство страны. Политические партии являются пассажирами на борту одного корабля. Если они потопят его, то погибнут все.

Требовать от руководителей вести честную жизнь. Порок, каким бы он ни был, благоприятствует врагу.

Непоколебимо верить в идеи и образ жизни, за которые сражаешься. Именно вера создает армии и даже оружие. Свобода заслуживает более ревностного служения, чем тирания».

Смелые слова! Они должны проникнуть в сердце каждого, кому выпадет доля быть руководителем.

Все вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что моральное состояние — это вопрос жизни и смерти. Им нельзя пренебрегать. Каждая хорошо организованная армия заинтересована в высоком уровне боевой подготовки своих войск и, если это возможно, в обеспечении их лучшим оружием, чтобы создать материальное превосходство над противником. Однако материальное превосходство не столь важно, как моральное. Для армии опаснее низкое моральное состояние войск, чем недостаток боеприпасов.

Как же обрести эти столь желательные достоинства? Конечно, развитие их зависит от множества факторов, не поддающихся предварительному учету: хорошего руководства, дисциплины, профессионального обучения, вооружения и снаряжения, боевых традиций армии, физического состояния, умонастроения, патриотизма, чести, чувства собственного достоинства, самообладания, преданности, воли к победе, пищи, отдыха, пропаганды и т. д.

Однако моральное состояние не является простым следствием этих факторов, ибо отсутствия одного из них неред-

ко бывает достаточно, чтобы парализовать действие остальных. Например, в бою плохое руководство может легко подорвать моральное состояние войск вопреки воздействию других факторов: боевой подготовки, вооружения и снаряжения, прошлых успехов и т. д. Следует постоянно помнить, что, когда мы касаемся морального состояния, мы имеем дело скорее с чем-то неопределенным, чем определенным. Руководство — это образ жизни, а он, этот образ жизни, вызывает у руководителя и руководимых моральный подъем, который является выражением духовного состояния, известного под названием морального.

Глава третья

МОРАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ ВОЙСК

В английской армии прошлого принято было рассматривать моральное состояние как психологический результат воздействия следующих факторов: боевой выучки, вооружения, материального положения (включая пищу, бытовые условия и т. д.), руководства, дисциплины, духа товарищества.

Однако если бы эта общая схема была всеобъемлющей, то совершенно или почти совершенно не было бы разницы в моральном состоянии двух сражающихся армий.

Иногда этот поверхностный подход к оценке морального состояния может показаться правильным, но при тщательном исследовании проблемы он оказывается несостоятельным. В период гражданской войны в Англии между королем и парламентом войска Карла I имели полное физическое превосходство: они были лучше обучены, вооружены и оснащены, были моложе и энергичнее, имели лучшие командные кадры и были более дисциплинированы. В начале войны они проявили более высокий боевой дух, но затем оказались деморализованными, стали безнадежно уступать в бою и в конце концов потерпели полное поражение. Значит, когда борьба принимает затяжной характер, исход ее решает моральная, а не физическая сила.

Эта истина настолько важна, что заслуживает повторения.

Когда борьба принимает затяжной характер, исход ее решает моральная, а не физическая сила.

Карл I был действительно разгромлен моральной силой, отсутствием которой страдало его войско. Армия, со-

стоявшая из неискушенных в военном деле людей, но обладавшая высоким боевым духом, разгромила армию галантных, но с низким боевым духом профессионалов.

Конечная цель любого сражения скорее психологическая, чем физическая. Подлинная цель заключается не столько в том, чтобы уничтожить противника или отрезать его от тыла, сколько в том, чтобы подорвать его волю к продолжению борьбы. Нацисты строили свою стратегию исходя из того принципа, что гораздо экономичнее подорвать силу воли, чем уничтожить самих людей. Америка открыла, что войны выигрываются людьми. Германии было предоставлено открыть, что войны проигрываются людьми.

Высокое моральное состояние необходимо современным армиям больше, чем всем прежним. Моральное состояние, адекватное боевой выучке, недолго будет выдерживать испытания современной войны с ее пикирующими бомбардировщиками и воющими бомбами, гигантскими танками, изрыгающими смертоносный огонь, огнеметами, сжигающими все вокруг и деморализующими людей. Для солдат, которым предстоит встретиться с этими ужасами и пережить их, одной только боевой подготовки и вооружения недостаточно.

Не может быть высокого морального состояния там, где нет уверенности в своих силах. Хорошо подготовленный и вооруженный солдат будет, естественно, как в моральном, так и в физическом отношении чувствовать свое превосходство над плохо обученным и слабо вооруженным противником, точно так же, как хорошо одетый ремесленник чувствует моральное превосходство над рабочим, который носит цветной платок, повязанный вокруг шеи. Боевая подготовка, вооружение, материальные условия, руководство, дисциплина, дух товарищества — вот что создает высокое моральное состояние. Все эти составные части несомненно способны многое сделать. Но и этого еще недостаточно.

Величайшей неприятностью, которую испытывает солдат после поступления на военную службу, является потеря им личной свободы. Его обязывают жить по распорядку, составленному кем-то другим. Даже его вечерний отдых, когда он вправе считать себя свободным, часто регулируется командирами. Он не волен одеваться по своему вкусу или идти, куда ему хочется. Ему могут приказывать делать то, что ему совсем не нравится. Вся его жизнь идет не так, как ему хотелось бы. Его личность поглощена коллективом.

Разумеется, бессмысленно ждать от солдата, чтобы все

это ему нравилось, и глупо рассчитывать, что он спокойно примирится со всеми ограничениями.

В первую очередь следует убедить солдата, что без необходимости его свобода не ущемляется. Служба требует от него строгой пунктуальности, и он вправе ожидать в ответ такой же строгой пунктуальности. Пицца всегда должна быть приготовлена вовремя. В субботние вечера и воскресные дни после церковной службы солдаты должны отдыхать. В это время нельзя производить какие-либо работы, не вызываемые крайней необходимостью. Не следует принуждать солдат участвовать в спортивных состязаниях, когда они хотят заняться чем-нибудь другим или просто желают, чтобы их оставили в покое.

По мере возможности вечера следует освобождать от различных работ и занятий. Если солдат добросовестно выполнил дневную работу, он сделал ровно столько, сколько способен выдержать его организм. Психологи отвергли глупое мнение, что солдат якобы непременно испортится, если его не заставлять работать без отдыха с подъема до отбоя. Солдаты, которые напряженно трудятся в течение дня, а затем получают достаточный отдых, будут сильнее, счастливее, дееспособнее, дисциплинированнее тех, кого заставляют работать непрерывно.

Необходимо строго контролировать чрезмерно усердных сержантов, которые с особым удовольствием придумывают дополнительную работу во внеурочное время. Такие сержанты подрывают моральное состояние войск.

В качестве психологической компенсации за потерю определенных личных свобод солдата необходимо поощрять в проявлении индивидуальности по другим направлениям. Спорт не должен быть достоянием одних мастеров. Если нет достаточного количества спортивных площадок, занятия по боевой подготовке следует планировать так, чтобы некоторые подразделения могли заниматься спортом по утрам, а не в вечерние часы. Особое внимание нужно уделять организации увеселительных мероприятий.

Для поднятия морального состояния войск приглашение лекторов со стороны, как правило, не оправдывается, потому что солдаты не выносят скучных бесед лекторов-профессионалов. Беседы должны проводиться самими солдатами, а также специально подобранными офицерами и сержантами той части, где служат солдаты.

Рекомендуется проводить беседы на следующие темы:

«За что мы сражаемся?»

«Англия после войны».

«Что произойдет, если победит Германия».
 «Германия при гитлеровском режиме».
 «Концентрационный лагерь».
 «Оккупационная армия».
 «Как преуспевать в армии».
 «Как преуспевать в гражданской жизни».
 «Борьба Гитлера и борьба наша».
 «Гитлер как человек».
 «Военные расходы».
 «Диктатура и демократия».
 «Немецкий ум».
 «Подъем Германии».
 «Положение на Дальнем Востоке».
 «Экономическое положение Великобритании».
 «Проблема безработицы».
 «Международная торговля».
 «Как управляется наше государство?»

Значение музыки для поддержания высокого морально-го состояния признается всеми, но музыка может оказать большое влияние и на его создание. Ломая барьеры между людьми, она становится сильнейшим средством сплочения индивидуумов в коллектив. Офицеры должны позаботиться, чтобы все их подчиненные, умеющие играть на губной гармонике, имели этот инструмент. Хорошая музыка скрашивает жизнь в казарме. Перед длительными маршами и т. п. необходимо на время перехода составлять музыкальную программу, включающую зазорные строевые песни, которые может подхватить большинство личного состава. Офицеры, уорент-офицеры¹ и сержанты не должны считать участие в этих музыкальных программах унижением своего достоинства. Психологический эффект значительно возрастает, когда поют все.

Американский генерал Дж. Ф. Белл говорит: «Армия без песни уступает в боевом духе настолько, насколько она потеряла способность чувствовать музыку. Нет более могущественного средства для укрепления сплоченности личного состава армии, чем песни».

Убедительным доказательством справедливости этого утверждения служит эпизод из книги Фредерика Соулмэна «От Монса до Ипра».

«Майор Том Бриджес, офицер 4-го гвардейского драгунского полка, в пятницу после полудня получил прика-

зание отправиться в Сен-Кантен и выяснить, не появились ли там новые группы отставших солдат. На одной площадке он обнаружил группу в сто или более человек из разных частей, которые в изнеможении сидели на мостовой с полным безразличием ко всему происходящему и, казалось, не способны были присоединиться к отступающей на юг армии. Бриджес понял, что эти люди смертельно устали. Поднять их не могли бы ни строжайший приказ, ни вежливая просьба, ни лесть. Казалось, большинство из них потеряло способность передвигаться после непрерывного марша, длившегося без пищи и отдыха тридцать шесть часов.

И вдруг блестящая идея осенила весельчака майора. Зайдя в магазин игрушек, он купил детский барабан и свистульку. Барабан он прикрепил к своему поясу.

— Вы сможете сыграть «Английские гренадеры»? — спросил он своего трубача.

— Так точно, сэр!

Минуто спустя эта пара уже маршировала по площади. Высокий дискант игрушечного оловянного свистка четко и звучно выводил: «Английских гренадеров храбрее в мире нет».

Они обошли площадь. Окрыленный энтузиазмом майора, трубач вкладывал все свои способности и душу в каждую ноту. А огромный, добродушный Бриджес усердно выстукивал на барабане крошечными палочками, которые так комично выглядели в его ручищах.

Поравнявшись с лежавшими прямо на мостовой солдатами, они торжественно проследовали мимо них. Вот и последний солдат. Дойдет ли до их сознания музыка, богатая традициями доброго старого времени? Вдохновит ли их энтузиазм майора, который прекрасно знает, как чувствуют себя бедные парни, и подействует на те струнки характера Томми¹, которые его так часто выручали?

Искра дала вспышку! Одни со слезами на глазах, другие, громко смеясь, вскочили на ноги и начали строиться. Окостеневшие члены подчинились разбуженной воле. Подхватив слова песни «Английские гренадеры», солдаты длинной колонной двинулись вниз по улице за огромной фигурой, молотившей на игрушечном барабане, и тяжело дышавшим трубачом.

«Вперед, полковник, с тобой хоть в ад!» — напевал

¹ В английских и американских вооруженных силах — звание, промежуточное между сержантским и офицерским. — *Прим. ред.*

¹ Прозвище английского солдата. — *Прим. ред.*

крепко сложенный ирландец, с трудом передвигая нагруженные ноги.

Ни один человек не остался на площади».

Глава четвертая

СТРАХ

Всю свою жизнь — от рождения до смерти — человек пребывает в состоянии страха. Он страшится нужды, боли, смерти. В наиболее впечатлительные детские годы его учат бояться темноты, огня, болезни, автомобилей, острых предметов, огнестрельного оружия, полицейских, желтокожих, краснокожих, чернокожих, слепых, бородатых и хромых, учат бояться собак, львов, тигров, медведей, слонов и т. д.

В молодости он боится среднего возраста, в среднем возрасте — старости и все время — смерти.

Кроме того, каждому индивидууму свойственны свои страхи — перед продуктами питания, холодной или горячей водой, ветром северным или южным, западным или восточным, перед безработицей, хозяином, детьми, родителями, братьями и сестрами, сплетнями соседей и т. д.

После вступления государства в войну человека захлестывает новая волна страха: перед поражением, неопределенностью, лишениями, убытками, ранением и т. д. Военнообязанный, подлежащий призыву в вооруженные силы, независимо от желания и энтузиазма, с которым он идет на службу, несет с собой страх перед неизвестным. Понравится ли ему новая жизнь? Хорошо ли будут обращаться с ним офицеры и сержанты? Порядочными ли окажутся его новые товарищи? Пошлют ли его в полк, в котором он желает служить? Как будут жить жена и дети в его отсутствие? И самый великий из всех страхов — останется ли он жив? Каждый офицер и сержант должен понять, что боеспособность армии зависит преимущественно от эффективности методов, с помощью которых сдерживается инстинкт страха.

Если солдаты живут в атмосфере неизвестности, если их допрашивают придирками, запугивают и преследуют, если дисциплина поддерживается главным образом репрессиями, — в такой обстановке инстинкт страха принимает угрожающие размеры и наносит серьезный ущерб боеспособности войск. Но если к солдатам относятся внимательно и заботливо, если они чувствуют себя сплоченными в единый, мо-

литный коллектив, тогда нет таких трудностей, которые они не в состоянии были бы преодолеть.

Долг каждого руководителя — развивать в своих подчиненных мужество, являющееся чудесным свойством человеческой природы. «Чудесным» это свойство приходится называть потому, что его стремится подавить масса самых различных страхов. Задумайтесь над этой проблемой, и вы поймете, что страх может восторжествовать над солдатом, а мужество покннуть его, если у него будут плохие руководители.

Страх кратко можно определить как эмоцию, вызываемую надвигающимся бедствием. Естественная реакция испугавшегося человека — стремление укрыться или спастись бегством. Ребенок, застигнутый за озорством, прячется. Пожилой джентльмен, который, наступив на кожуру банана, плашмя падает на землю, жаждет, чтобы земля расступилась и поглотила его, избавив от насмешек прохожих. Когда ребенок подрастает, он начинает понимать, что, спрятавшись, не всегда можно спастись от наказания, поэтому он убеждает прочь. Когда пожилой джентльмен поднимается на ноги, он тоже старается скрыться, хотя и пытается сохранить при этом достоинство.

Каждый индивидуум много раз в своей жизни испытывал страх в различных формах и степенях, и первобытный инстинкт вызывал у него стремление укрыться или спастись бегством. Стремление укрыться обычно принимает форму лжи. Стремление спастись бегством может принимать различные формы. Реже жертва страха спасается бегством, в буквальном смысле этого слова, ибо, если человек убегает, он уносит с собой и причину страха. Одни ищут выход в запое и употреблении различных наркотиков. Другие стараются не обращать внимания на сложившуюся обстановку. Если человек безнадежно погряз в долгах, он тратит еще больше. Гораздо реже жизнь его завершается поменьшееством или самоубийством.

Моральная устойчивость — естественный враг страха. Страх перед неизвестным всегда изнурительнее, чем страх перед известным. Это может быть проиллюстрировано не столь уж редким примером с человеком, который подозревает, что у него рак, но вначале не решается обратиться к врачу, опасаясь подтверждения своих подозрений. Со временем эта попытка перед неизвестным становится настолько невыносимой, что человек начинает готовиться к смерти и, так как выхода уже не остается, обращается, наконец, к врачу. Он узнает, что жить ему осталось шесть месяцев.

Теперь, узнав правду, он успокаивается и находит в себе силы закончить жизнь спокойно и даже жизнерадостно.

Хорошо известно, что на поле боя солдаты обычно чувствуют себя спокойнее после перехода противника в атаку, чем до ее начала. Когда люди не знают, что их ожидает, им свойственно подозревать худшее. Когда же факты, какими бы ошеломляющими они ни были, известны людям, они могут противодействовать им. Но человек не может противостоять неизвестному. Для поддержания устойчивого морального состояния армии необходимо, чтобы войска знали все, что относится к их положению, даже если обстановка чрезвычайно тяжелая. Бывает, конечно, что некоторые сведения могут оказаться полезными противнику и поэтому их надо держать в секрете, но в остальных случаях солдат следует посвящать и в самое лучшее, и в самое худшее.

Настоящее противодействие страху — дисциплина. Ее можно определить как искусство смотреть страху в глаза. Когда страх наталкивается на смелость, он утрачивает свою силу. Страх вступает в свои права, если его жертва ищет выхода в бегстве. Человек, который организует свою жизнь по определенному плану, придерживается умеренных привычек и ведет скромную жизнь, менее подвержен страху, чем человек, живущий сегодняшним днем, позволяющий дрейфовать своей жизни и неспособный организовать ни собственный труд, ни отдых.

Если повиновение становится инстинктом, в броне мужества не может образоваться трещина, через которую проник бы страх. Когда приемы заряжания, прицеливания и стрельбы доводятся до автоматизма, тогда в разгар сражения беспорядочная стрельба становится маловероятной. Такой автоматизм, выработанный человеком, создает у него чувство уверенности.

То, что правильно в отношении индивидуума, не менее правильно и в отношении целого подразделения. В данном случае обучение тоже становится средством вселения в людей уверенности путем согласования их действий. Так вырабатывается чувство солидарности. Каждый солдат чувствует себя спокойным от сознания, что все его товарищи заодно с ним и не просто находятся рядом, а готовы в любую минуту прийти к нему на выручку. Его личность поглощена, а уверенность усилена коллективом.

Плохо дисциплинированной армии будут свойственны все слабости, присущие любой толпе, ибо только дисциплина превращает толпу в армию. В то время как высоко-

дисциплинированную армию нельзя запугать внезапной опасностью, армия с низкой дисциплиной, подобно толпе, обратится в слепое, паническое бегство. Если в высокодисциплинированной армии уверенность каждого индивидуума усиливается уверенностью его товарищей, то в армии с низкой дисциплиной инстинктивный страх каждого солдата разжигается страхом окружающих. Каждый чувствует в себе неодолимое стремление спастись немедленным бегством, а последствия этого стремления настолько ужасны, что никакие соображения приличия, уважения или жалости не становятся преградой. Жертвы страха часто превращаются в невменяемых, в опасных маньяков и не приходят в себя до тех пор, пока не минует опасность.

В свете вышеизложенного кажется невероятным, что находятся люди, которые пренебрежительно относятся к укреплению дисциплины.

Являясь во многих случаях могущественным средством борьбы со страхом, дисциплина, однако, нуждается в подкреплении другими средствами. Например, когда войска подвергаются интенсивным атакам пикирующих бомбардировщиков или артиллерийскому обстрелу и вынуждены ожидать перехода противника в наступление, целесообразно отвлечь их внимание от опасности, прибегая к различным формам активных действий.

Можно организовать раздачу писем, подсчет боеприпасов, углубление окопов. Полезно отдать приказ о подготовке стрелкового оружия к стрельбе на сто, двести и пятьсот метров. Словом, надо сделать все, чтобы помочь солдатам забыть страх. Даже самые смелые солдаты испытывают страх. Единственная разница между смелым солдатом и малодушным состоит в том, что страх первого находится под контролем, а страх второго — вне контроля.

Здесь-то и открывается широкое поле деятельности для умного командира независимо от того, ожидают ли его войска перехода в атаку или готовятся к отражению атаки противника. Более чем когда бы то ни было он обязан вдохновить своих солдат, убедить их, что они составляют подразделение, где каждого солдата поддерживают все остальные, и что наступит время, когда противник будет «списан со счета».

Если есть время, командир должен попытаться сказать солдатам несколько слов, обращаясь к каждому по фамилии: «Ну, рядовой Снукс, готов ли к действию твой пулемет? Отлично! Теперь ты, по-видимому, убежден, что получил свой неприкосновенный запас, рядовой Малвани? Пра-

вильно. Надеюсь, эта фляга наполнена водой, рядовой Бэн-дольер? Сержант, помоги-ка рядовому Форсайту справиться со снаряжением». Такое обращение не только убеждает каждого солдата, что он уважаем, необходим, но и — а это имеет чрезвычайное значение — заставляет его думать, что к нему с особым расположением и заботой относится человек, рядом с которым он хотел бы быть.

Очень полезно поощрять солдат оказывать друг другу небольшие услуги. Когда человека посылают кому-нибудь на помощь, он забывает о своем страхе, а все индивидуумы начинают чувствовать себя, как этот один человек.

Большое впечатление на солдат, ожидающих опасности, производят короткие рассказы офицера об эпизодах, в которых ярко проявилось мужество, и прошлых успехах полка в аналогичной обстановке. Даже если его голос будет слышно всего на расстоянии нескольких ярдов, эти рассказы охотно передадут дальше и обсудят во всем подразделении.

Каждый руководитель должен остерегаться искушения недооценивать силы противника. В «Моей борьбе» Гитлер описывает, какое потрясение испытали солдаты его полка в период Великой войны, когда впервые вошли в соприкосновение с английскими войсками. Командиры говорили им, что англичане слабы физически и трусливы. Доверчивые солдаты поверили этому. Во время боя, после первого знакомства с противником, солдаты поняли, что их бессовестно обманули, и были страшно напуганы и раздосадованы.

Когда войска убеждены, что дело обстоит именно так, а не иначе, и когда они неожиданно сталкиваются с совершенно иной обстановкой, внезапность этого перехода часто вызывает панику. Войска должны сражаться с верой в свои силы, а это значит, что им надо говорить как о самом лучшем, так и о самом худшем.

Другим сильным противоядием страху служит честолобие — страстное желание человека быть заметным. Сэр Арчибалд Уэйвел подчеркивает, что «Наполеон достиг своего величия не столько потому, что он усиленно изучал стратегию, сколько благодаря блестящему знанию проявления человеческих характеров в войне. Уже его первые шаги свидетельствовали о знании психологии. Будучи офицером-артиллеристом в период осады Тулона, он установил батарею на столь выдвинутой вперед позиции, что, казалось, для ее обслуживания не найти солдат. Но он высоко над батареей повесил плакат с надписью: «Батарея бесстрашных», и на ней никогда не было недостатка в солдатах».

Каждый солдат хочет считаться героем. Из поколения в поколение оружие меняется, а человеческая природа остается неизменной. Каждый батальон должен иметь свой простой девиз, провозглашенный самими солдатами. Каким бы экстравагантным он ни был, солдаты всеми силами будут стремиться оправдать его, если это их собственный девиз. Как на поле боя, так и в период учебы в мирное время необходимо настойчиво внушать солдатам, что репутация их подразделения должна быть незапятнанной.

Нет нужды говорить, что офицеры и сержанты должны показывать личный пример. Холл подчеркивает, что в период первой мировой войны контузии у офицеров случались в три-четыре раза чаще, чем у солдат. Эту диспропорцию Холл объясняет тем, что «офицеры были не просто храбрыми, но и показывали пример своим солдатам».

Все подразделение ищет поддержки у офицера, а ему не у кого искать ее. Офицер может надеяться только на себя. Если же он понадеется на кого-нибудь другого, его престиж будет мгновенно подорван. Перед лицом опасности солдаты инстинктивно обращаются к нему, и если он проявит хоть малейшую растерянность, их боевой дух ослабнет, пусть даже не случится ничего серьезного. Но если он будет держать себя спокойно и собранно, они продолжат бой, поверив, что их командир уверенно ориентируется в обстановке.

Войска, сознающие, что они уступают противнику в боеспособности, не могут быть надежными. Английского солдата не подавляет численное превосходство до тех пор, пока он верит, что его оружие не уступает оружию противника. В душе он оптимист, а оптимизм дает силу, тогда как пессимизм расслабляет.

Все искусство руководства солдатами может быть выражено формулой: сделать их оптимистами. Если солдаты считают, что условия их жизни скверные, а руководство никуда не годится, ими овладевают пессимистические настроения, и боеспособность падает. Когда же солдаты чувствуют, что о них заботятся, и знают, что ими командуют люди, которые не допустят беды, они настраиваются оптимистически, и их боеспособность поднимается. Оптимизм рождает боеспособность, тогда как страх убивает ее. Перефразируя изречение Наполеона, можно сказать: один довольный солдат стоит трех недовольных.

Важнейший источник высокого морального состояния солдата — уверенность. Это никогда не было более справедливо, чем теперь, когда солдатами овладевают тяжелые

раздумья из-за неуверенности в будущем. Будет ли работа после войны? Останутся ли целыми дома? Останутся ли живыми жены и дети? Каков будет послевоенный мир? Эти вопросы владеют умами всех мыслящих солдат. Необходимо сделать все возможное, чтобы воодушевить солдат и вселить в них уверенность!

Важную роль может сыграть религия, больше того, если использовать ее решительно, она может сделать все. Однако эта проблема носит национальный и интернациональный характер, и как таковая она почти неразрешима. Военные капелланы и представители религиозных организаций, работающие в войсках, обязаны использовать каждую возможность, чтобы внушить солдатам уверенность в себе и в деле, за которое они воюют. Церковные службы должны стать средством воодушевления солдат на ратные подвиги. Пусть песнопения, чтение библии, проповеди служат душевному подъему, внушают уверенность.

«Ты — творец, наш Бог, а мы — твои рабы». Это изречение следует постоянно напоминать. С божьей помощью английская империя добьется победы. Такая проповедь не может не восстановить уверенности.

Глава пятая

НАЗНАЧЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Ни один офицер, ни один сержант не оставит рядового солдата в неведении относительно назначения винтовки, штыка, пулемета или гранаты. Каждого солдата тщательно обучают пользоваться противогазом, показывают, как укладывать ранец. Однако считают почему-то само собой разумеющимся, что каждый военнослужащий понимает, зачем нужна дисциплина.

На деле же слишком немногие глубоко понимают назначение и важность дисциплины. Почти полстолетия не дисциплинированность сознательно проповедовалась как закон жизни. Философы, ставившие во главу угла принцип «Поступай, как тебе нравится», нападали на все общепринятые нормы, законы и порядки: на женитьбу, семью, церковь, государство, империю и т. д. Даже в области музыки, литературы, театрального искусства отвергались ранее принятые формы, возникали новые школы (если их можно назвать школами), которые не признавали, казалось, никаких определенных правил. Философию последних пятидесяти лет можно назвать философией индивидуализма. Она де-

лала чрезмерный упор на права и привилегии индивидуума и на почти полное забвение прав и привилегий общества. Престарелый маршал Петен в своем историческом выступлении по радио возложил на эту философию вину за падение Франции. Пожалуй, он был прав.

Абсолютно необходимо довести до сознания каждого солдата, зачем нужна дисциплина. Гендерсон в «Науке о войне» пишет: «Война — не просто слепая битва между толпами людей, лишенных руководства и взаимодействия. Это конфликт между хорошо организованными массами, которые разумно взаимодействуют, подчиняются единой воле, имеют перед собой определенную цель».

Иными словами, главное назначение дисциплины — сплотить массу индивидуумов в организованный коллектив, действующий как единое целое, направленный на достижение единой цели и скованный единой волей. История неоспоримо доказывает, что как в мирное, так и в военное время такая система оправдывает себя. Она скорее приводит к достижению определенных целей, чем любая другая система.

В других сферах нетрудно найти подтверждение справедливости этого мнения. Футбольная команда, укомплектованная одиннадцатью блестящими игроками, которые действуют, полагаясь каждый только на себя, не будет иметь реальных шансов на успех против одиннадцати менее опытных футболистов, которые играют коллективно. При перетягивании каната из двух равных сторон неизбежно выиграет та, которая действует согласованно. В гребле, в состязаниях по парусному спорту, теннису, игре в крокет и т. д. победа зависит от согласованности действий. То же и в бизнесе: успеха добывается та фирма, члены которой подчинены строгой дисциплине.

Обычно не только игнорируется значение дисциплины, но и, как правило, не учитывается опасность недисциплинированности. Эту опасность солдаты должны понять сразу же после вступления в ряды вооруженных сил. Они не будут противиться дисциплине, если осознают ее назначение и важность. Недисциплинированность будет вызывать презрение у солдат, когда они поймут, к какому беспорядку она приводит. Если бы поварам разрешили готовить пищу, когда им заблагорассудится, войска получили бы полное представление о недисциплинированности.

Различается дисциплина двух видов: дисциплина масс и дисциплина индивидуума. Относительно дисциплины масс Гендерсон говорит: «В плохо дисциплинированной армии

крайне низка мобильность. Вывести батальон в тысячу штыков на поле боя в назначенное время — задача нелегкая... Секрет успеха на поле боя кроется в умении сосредоточить превосходящие силы: моральные, материальные или те и другие — на решающем направлении». Высокодисциплинированные войска в наступлении проявляют большую энергию.

Гражданская война в Америке дала трагический пример ужасающего беспорядка, который возникает в результате отсутствия у войск тщательной подготовки и жесткой дисциплины. В истории можно найти немного случаев, когда солдаты шли в бой с такими чистыми мотивами, с большим рвением и большим бесстрашием. Но в течение продолжительного времени противостоявшие армии состояли главным образом из не знавших военного дела энтузиастов, которые совершали марш, когда им это пришлось, и расходились по собственному усмотрению. Результаты были фантастически причудливыми. Ни один командир не знал наверняка, сколько солдат будет у него на поле боя и когда они соберутся. А если они были налицо, он не знал, когда им вздумается прекратить бой. Каждый солдат был сам себе командир и считался только со своими желаниями. Но не было еще войны, которая знала бы столько актов личного героизма и в то же время такого огромного количества неоправданных жертв, столько попусту затраченных усилий.

Строевая подготовка окажется более плодотворной и менее утомительной, если солдаты будут понимать ее истинную цель. Эта цель заключается в том, чтобы: а) добиться согласованности действий и б) сделать повиновение привычным. Строевая подготовка часто подвергается критике (особенно со стороны тех людей, которым следовало бы знать побольше), ибо ее истинная цель остается непонятой. Насмехаются над «древними церемониями», над «занятиями на казарменном плацу», объявляя их «безнадежно устаревшими» в век пикирующих бомбардировщиков и танков. Однако эта бойкая критика обходит самую суть строевых занятий. Солдат или полк никогда не будут повиноваться инстинктивно, если повиновение не стало привычкой. Длительным опытом неоспоримо доказано, что строевая подготовка — наиболее рациональный и даже единственный метод воспитания в коллективе привычки к повиновению. «Рассмотрим один пример, который показывает, что может сделать дисциплина в критической обстановке. В начале войны, во время отступления от Монса, ба-

тальон английской гвардейской дивизии удерживал важный мост, являвшийся узловым пунктом обороны. От удержания этого моста зависело многое. Наступил критический момент. Немцы бросали на батальон дивизию за дивизией и уничтожили его. В неглубоком окопе осталось каких-нибудь тридцать человек. В нескольких метрах перед ними находился глубокий ров, который вел во фланг противника. Эта горстка людей вела неравный бой с целыми полчищами немцев, рвавшихся к мосту. Вдруг английский Томми, еще почти мальчик, крикнул: «Гвардейцы, вперед!» Уцелевшие гвардейцы бросились навстречу, казалось, неминуемой смерти. Пробежав метров пятнадцать, они прыгнули в ров, который вел к немецкому флангу, и с тыла открыли сильный огонь по наступавшему противнику. Немцы заколебались и остановились. Наконец, последовала команда отступить, и волна наступавших начала откатываться назад. Вскоре прибыло подкрепление, и позиция у моста была спасена. Молодой Томми был отмечен в приказах и награжден. Генерал, командир дивизии, спросил: «Кто приказал продвинуться в тот ров?» Ему ответили, что это был восемнадцатилетний горнист. Пораженный генерал воскликнул: «Замечательный парень! Как вы отважились дать такое приказание?» Солдат ответил: «Это были гвардейцы, сэр, я знал, что они подчинятся». Да, он знал, что может положиться на боевой дух своего подразделения»¹.

Однако дисциплина массы — это еще не все. В современной войне недостаточно, чтобы тысяча человек действовала как одно целое. В настоящее время, более чем когда бы то ни было, каждый солдат должен быть воодушевлен, а не только проникнут духом безоговорочного повиновения. Он должен знать, что в грохоте современного боя исход атаки в значительной степени зависит от его инициативы. Такое обучение солдат прекрасно гармонировало бы с английским характером. Как раса свободных людей, мы полагаем очевидным психологическим превосходством над немцами. Не по капризу немецкого тактика появилась и развилась форма атаки сомкнутым строем, а в результате суровой необходимости, перед которой он был поставлен вследствие психологического недостатка, внутренне присущего немецкому характеру.

Лучшие черты психологического склада немецкого солдата — это инстинктивное послушание, чрезвычайное тру-

¹ Из лекции генерал-майора М. Б. Стюарта, прочитанной им в военном училище Соединенных Штатов Уэст-Пойнт. — *Прим. авт.*

долюбие и исключительное внимание к мелочам. Было бы глупо недооценивать эти ценнейшие качества. Правда, они нейтрализуются его слабыми сторонами: у него рабский образ мыслей, и он нуждается в хорошем руководстве.

Отдавая должное военной системе Германии, необходимо признать, что у немецких солдат были выдающиеся военные руководители. На протяжении более половины столетия немецкого офицера специально обучали командовать подчиненными на поле боя, и это обучение великолепно оправдывалось на практике. Реальная сила немецкой армии кроется почти исключительно в ее руководстве.

Как солдат немец уступает солдатам других рас. По общему мнению, немецкие формирования в период гражданской войны в Америке сражались хуже ирландских. Этот факт приобретает особое значение, если принять во внимание, что ирландцам свойствен индивидуализм, тогда как немцы больше других рас склонны к стадности. Ирландцев называли отличными солдатами, но по отношению к немцам это лестное определение не применялось. На английских солдат, которые в боях нынешней войны встречались один на один с немецкими солдатами, не произвели впечатления боевые качества немцев.

Описывая немецкое наступление на Тобрук, один военный корреспондент сообщал:

«Австралиец, в прошлом торговец из Сиднея, рассказал мне, как он и пять других солдат, входивших в патруль, обратили в бегство сорок немцев, а одного из них захватили в плен.

— Мы получили сообщение, — говорил он, — что за проволочным заграждением находится около сорока немцев. Мы пошли вперёд, чтобы не слишком ослаблять пост.

Продвинувшись под прикрытием огня, который бойцы непрерывно вели через наши головы, группа со штыками наперевес ворвалась в расположение немцев.

Мы уничтожили пятерых из них, не дав немцам опомниться.

Нескольким немцам я нанес удары прикладом. Затем я схватил камень — и уцелевшие упали на колени. Один из них слезно умолял: «Не убивайте меня», а другой кричал: «Сдаюсь, сдаюсь!»

Теперь я считаю, что, когда дело доходит до рукопашной, немцы не лучше итальянцев».

Сержант шотландского полка, участвовавший в рукопашных схватках прошлой и нынешней войн, сказал: «Те-

перь немецкие солдаты не похожи на своих отцов периода 1914—1918 годов. Эти парни — бойцы ближнего боя, и к тому же отчаянные».

Наивное представление австралийца, что шесть человек в состоянии драться против сорока немцев, заслуживает специальных комментариев.

Убеждение англичанина — отнюдь не наглое, — что он стоит по меньшей мере трех иностранцев, возникло еще в битве при Азенкуре, где он не признал себя в невыгодном положении при значительном численном превосходстве противника. Даже в современных условиях исход боя зависит не столько от численности и вооружения войск, сколько от воли солдат. Источник морального превосходства английского солдата заключается в том, что он по своему психологическому складу не способен представить себе собственное поражение.

Дисциплина индивидуума в отличие от дисциплины группы людей получает наилучшее развитие в индивидуальном обучении. Нужно использовать каждую возможность, чтобы дать солдату проявить инициативу. Глупый упрек: «Вы здесь не для того, чтобы думать», который так часто срывается с уст не слишком образованных сержантов, должен быть заменен другим: «Вы здесь для того, чтобы думать». И на казарменном плацу, и в классе каждого солдата нужно заставить думать не только за себя, но и за других солдат подразделения.

Если солдату запретить думать, не возлагать на него ответственности, не разрешать действовать или передвигаться иначе как по команде, он очень скоро потеряет всякую способность к проявлению инициативы. В современной войне, когда сражения приобретают гораздо больший размах и напряжение, чем когда бы то ни было прежде, совершенно неизбежна обстановка, в которой отдельным солдатам придется действовать самостоятельно, по своему усмотрению. Необходимо разработать такую систему одиночной подготовки солдата, чтобы она помогала ему во всеоружии встречать любую опасность.

Нередко можно услышать, что нынешний солдат, более образованный и развитый, чем его предшественник, не нуждается в суровой дисциплине. Это крайне опасное заблуждение. Высокодисциплинированная армия, укомплектованная солдатами с низким уровнем развития, наголову разгромит плохо дисциплинированную армию, укомплектованную выпускниками университетов. Независимо от уровня образования личного состава ни одна армия не может быть бое-

способной, пока повиновение солдат не станет привычным. Опыт показывает, что на поле боя даже образование — менее ценное качество, чем дисциплина.

Утверждение, что привычка к инстинктивному повиновению убивает инициативу и притупляет ум, просто неверно. Английские морские офицеры воспитываются с тринадцати с половиной лет и проходят всю службу в условиях железной дисциплины, однако в бою они проявляют изумительную инициативу и острый ум, наводящие страх на врагов и вызывающие восхищение друзей.

Дисциплина составляет основу морального состояния войск.

Глава шестая ПСИХОЛОГИЯ ДИСЦИПЛИНЫ

Вновь назначенный командир склонен рассматривать дисциплину как поддержание порядка среди группы подчиненных ему людей. «Насколько строги его требования к дисциплине?» — этот вопрос часто задают об офицерах и сержантах. Что такое дисциплина? Как она насаждается? Какие люди способны успешнее насаждать дисциплину?

Если мы обратимся к хорошему английскому толковому словарю, то увидим, что корень слова «дисциплина» (discipline) — disciple, что значит «ученик, учащийся». Под дисциплиной сейчас понимают систематическое обучение, упражнение, развитие и контроль умственных, моральных и физических способностей, а также систему обучения и контроля, внедряющую подчинение узаконенной власти, самоконтроль и соответствующее установленному порядку поведение.

Мы будем правы, если скажем, что тот, кто поддерживает порядок среди группы людей, насаждает дисциплину. Однако мы будем правы только наполовину. Более активным воспитателем является тот, кто способен оказать такое влияние на коллектив, чтобы каждый его член поддерживал порядок.

Принуждение большей частью вносит расстройство в дисциплину, ибо оно является средством утвержденной власти, и присуще родителям, учителям, государству, церкви. Все они считают простым и удобным требовать: «Делай так и так, в противном случае...» Утвержденная власть действует дубинкой, иногда физической, иногда моральной. Между тем самый элементарный жизненный опыт свидетель-

ствует, что принуждение эффективно только до тех пор, пока существует возможность применения физической или моральной дубинки.

Хороший командир никогда не удовлетворяется малым, он всегда стремится достигнуть максимума, ибо только высшая ступень дисциплины создает почву для самоконтроля. Совершенно недостаточно, призвав в армию человека, превратить его в хорошо сражающуюся машину. Имеются более важные задачи, чем эта. Естественно, что хороший командир считает службу в армии благородной профессией. Свою настоящую задачу он видит в том, чтобы поднять общий моральный уровень личного состава, развить его лучшие качества, каждому дать возможность усвоить, что необходимо воспитывать чувство собственного достоинства, которое рождает все другие достоинства. Солдату дисциплина необходима более, чем кому бы то ни было другому. Однако существует большая разница между дисциплиной, которая ограничивает и раздражает, и дисциплиной, которая существует как полезный побудительный мотив.

Когда лет шестьдесят назад лорд Робертс был назначен командующим войсками в Индии, его внимание привлекло одно тревожное явление. Еще младшим офицером он с ужасом наблюдал публичные телесные наказания, которым подвергались солдаты его батареи. Он давно пришел к выводу, что постоянные наказания делают солдата черствым, безразличным к той роли, которую он играет в полку. Заняв пост командующего, лорд Робертс строго приказал всем, имеющим отношение к дисциплинарной практике, перейти от телесных наказаний к снисходительности.

«Я требую, — писал он, — чтобы в первые два-три года службы солдату делалась скидка на молодость и неопытность». Более того, он настаивал на том, чтобы поощрялись солдаты, фамилии которых не внесены в списки нарушителей, чтобы им предоставлялись отпуска и вообще большая свобода. Эти мудрые уступки вызвали переворот, и списки нарушителей исчезли.

Проявив здравый подход к решению вопроса о принуждении, Робертс в течение четырех лет добился того, чего веками не способны были сделать тысячи сторонников «жесткой дисциплины» с помощью расстрелов, порок и тюрем.

История, кажется, не признала, что лорд Робертс был не только выдающимся полководцем, но и пионером в области социальной реформы. Полстолетия назад пьянство еще было опаснейшим социальным злом, и все, что делали законодатели, не имело сколько-нибудь существенного значения.

Теперь, узнав правду, он успокаивается и находит в себе силы закончить жизнь спокойно и даже жизнерадостно.

Хорошо известно, что на поле боя солдаты обычно чувствуют себя спокойнее после перехода противника в атаку, чем до ее начала. Когда люди не знают, что их ожидает, им свойственно подозревать худшее. Когда же факты, какими бы ошеломляющими они ни были, известны людям, они могут противодействовать им. Но человек не может противостоять неизвестному. Для поддержания устойчивого морального состояния армии необходимо, чтобы войска знали все, что относится к их положению, даже если обстановка чрезвычайно тяжелая. Бывает, конечно, что некоторые сведения могут оказаться полезными противнику и поэтому их надо держать в секрете, но в остальных случаях солдат следует посвящать и в самое лучшее, и в самое худшее.

Настоящее противоядие страху — дисциплина. Ее можно определить как искусство смотреть страху в глаза. Когда страх наталкивается на смелость, он утрачивает свою силу. Страх вступает в свои права, если его жертва ищет выхода в бегстве. Человек, который организует свою жизнь по определенному плану, придерживается умеренных привычек и ведет скромную жизнь, менее подвержен страху, чем человек, живущий сегодняшним днем, позволяющий дрейфовать своей жизни и неспособный организовать ни собственный труд, ни отдых.

Если повиновение становится инстинктом, в броне мужества не может образоваться трещина, через которую проник бы страх. Когда приемы заряжания, прицеливания и стрельбы доводятся до автоматизма, тогда в разгар сражения беспорядочная стрельба становится маловероятной. Такой автоматизм, выработанный человеком, создает у него чувство уверенности.

То, что правильно в отношении индивидуума, не менее правильно и в отношении целого подразделения. В данном случае обучение тоже становится средством вселения в людей уверенности путем согласования их действий. Так вырабатывается чувство солидарности. Каждый солдат чувствует себя спокойным от сознания, что все его товарищи заодно с ним и не просто находятся рядом, а готовы в любую минуту прийти к нему на выручку. Его личность поглощена, а уверенность усилена коллективом.

Плохо дисциплинированной армии будут свойственны все слабости, присущие любой толпе, ибо только дисциплина превращает толпу в армию. В то время как высоко-

дисциплинированную армию нельзя запугать внезапной опасностью, армия с низкой дисциплиной, подобно толпе, обратится в слепое, паническое бегство. Если в высокодисциплинированной армии уверенность каждого индивидуума усиливается уверенностью его товарищей, то в армии с низкой дисциплиной инстинктивный страх каждого солдата разжигается страхом окружающих. Каждый чувствует в себе неподолжимое стремление спастись немедленным бегством, а последствия этого стремления настолько ужасны, что никакие соображения приличия, уважения или жалости не становятся преградой. Жертвы страха часто превращаются в невменяемых, в опасных маньяков и не приходят в себя до тех пор, пока не минует опасность.

В свете вышеизложенного кажется невероятным, что находятся люди, которые пренебрежительно относятся к укреплению дисциплины.

Являясь во многих случаях могущественным средством борьбы со страхом, дисциплина, однако, нуждается в подкреплении другими средствами. Например, когда войска подвергаются интенсивным атакам пикирующих бомбардировщиков или артиллерийскому обстрелу и вынуждены ожидать перехода противника в наступление, целесообразно отвлекать их внимание от опасности, прибегая к различным формам активных действий.

Можно организовать задачу писем, подсчет боеприпасов, углубление окопов. Полезно отдать приказ о подготовке стрелкового оружия к стрельбе на сто, двести и пятьсот метров. Словом, надо сделать все, чтобы помочь солдатам забыть страх. Даже самые смелые солдаты испытывают страх. Единственная разница между смелым солдатом и малодушным состоит в том, что страх первого находится под контролем, а страх второго — вне контроля.

Здесь-то и открывается широкое поле деятельности для умного командира независимо от того, ожидают ли его войска перехода в атаку или готовятся к отражению атаки противника. Более чем когда бы то ни было он обязан вдохновить своих солдат, убедить их, что они составляют подразделение, где каждого солдата поддерживают все остальные, и что наступит время, когда противник будет «списан со счета».

Если есть время, командир должен попытаться сказать солдатам несколько слов, обращаясь к каждому по фамилии: «Ну, рядовой Снукс, готов ли к действию твой пулемет? Отлично! Теперь ты, по-видимому, убежден, что получил свой неприкосновенный запас, рядовой Малвани? Пра-

вильно. Надеюсь, эта фляга наполнена водой, рядовой Бэн-долльер? Сержант, помоги-ка рядовому Форсайту справиться со снаряжением». Такое обращение не только убеждает каждого солдата, что он уважаем, необходим, но и — а это имеет чрезвычайное значение — заставляет его думать, что к нему с особым расположением и заботой относятся человек, рядом с которым он хотел бы быть.

Очень полезно поощрять солдат оказывать друг другу небольшие услуги. Когда человека посылают кому-нибудь на помощь, он забывает о своем страхе, а все индивидуумы начинают чувствовать себя, как этот один человек.

Большое впечатление на солдат, ожидающих опасности, производят короткие рассказы офицера об эпизодах, в которых ярко проявилось мужество, и прошлых успехах полка в аналогичной обстановке. Даже если его голос будет слышно всего на расстоянии нескольких ярдов, эти рассказы охотно передадут дальше и обсудят во всем подразделении.

Каждый руководитель должен остерегаться искушения недооценивать силы противника. В «Моей борьбе» Гитлер описывает, какое потрясение испытали солдаты его полка в период Великой войны, когда впервые вошли в соприкосновение с английскими войсками. Командиры говорили им, что англичане слабы физически и трусливы. Доверчивые солдаты поверили этому. Во время боя, после первого знакомства с противником, солдаты поняли, что их бессовестно обманули, и были страшно напуганы и раздосадованы.

Когда войска убеждены, что дело обстоит именно так, а не иначе, и когда они неожиданно сталкиваются с совершенно иной обстановкой, внезапность этого перехода часто вызывает панику. Войска должны сражаться с верой в свои силы, а это значит, что им надо говорить как о самом лучшем, так и о самом худшем.

Другим сильным противоядием страху служит честолобие — страстное желание человека быть заметным. Сэр Арчибальд Уэйвел подчеркивает, что «Наполеон достиг своего величия не столько потому, что он усиленно изучал стратегию, сколько благодаря блестящему знанию проявления человеческих характеров в войне. Уже его первые шаги свидетельствовали о знании психологии. Будучи офицером-артиллеристом в период осады Тулона, он установил батарею на столь выдвинутой вперед позиции, что, казалось, для ее обслуживания не найти солдат. Но он высоко над батареей повесил плакат с надписью: «Батарея бесстрашных», и на ней никогда не было недостатка в солдатах».

Каждый солдат хочет считаться героем. Из поколения в поколение оружие меняется, а человеческая природа остается неизменной. Каждый батальон должен иметь свой простой девиз, провозглашенный самими солдатами. Каким бы экстравагантным он ни был, солдаты всеми силами будут стремиться оправдать его, если это их собственный девиз. Как на поле боя, так и в период учебы в мирное время необходимо настойчиво внушать солдатам, что репутация их подразделения должна быть незапятнанной.

Нет нужды говорить, что офицеры и сержанты должны показывать личный пример. Холл подчеркивает, что в период первой мировой войны контузии у офицеров случались в три-четыре раза чаще, чем у солдат. Эту диспропорцию Холл объясняет тем, что «офицеры были не просто храбрыми, но и показывали пример своим солдатам».

Все подразделение ищет поддержки у офицера, а ему не у кого искать ее. Офицер может надеяться только на себя. Если же он понадеется на кого-нибудь другого, его престиж будет мгновенно подорван. Перед лицом опасности солдаты инстинктивно обращаются к нему, и если он проявит хоть малейшую растерянность, их боевой дух ослабнет, пусть даже не случится ничего серьезного. Но если он будет держать себя спокойно и собранно, они продолжат бой, поверив, что их командир уверенно ориентируется в обстановке.

Войска, сознающие, что они уступают противнику в боеспособности, не могут быть надежными. Английского солдата не подавляет численное превосходство до тех пор, пока он верит, что его оружие не уступает оружию противника. В душе он оптимист, а оптимизм дает силу, тогда как пессимизм расслабляет.

Все искусство руководства солдатами может быть выражено формулой: сделать их оптимистами. Если солдаты считают, что условия их жизни скверные, а руководство никуда не годится, ими овладевают пессимистические настроения, и боеспособность падает. Когда же солдаты чувствуют, что о них заботятся, и знают, что ими командуют люди, которые не допустят беды, они настраиваются оптимистически, и их боеспособность поднимается. Оптимизм рождает боеспособность, тогда как страх убивает ее. Перефразируя изречение Наполеона, можно сказать: один довольный солдат стоит трех недовольных.

Важнейший источник высокого морального состояния солдата — уверенность. Это никогда не было более справедливо, чем теперь, когда солдатами овладевают тяжелые

раздумья из-за неуверенности в будущем. Будет ли работа после войны? Останутся ли целыми дома? Останутся ли живыми жены и дети? Каков будет послевоенный мир? Эти вопросы владеют умами всех мыслящих солдат. Необходимо сделать все возможное, чтобы воодушевить солдат и вселить в них уверенность!

Важную роль может сыграть религия, больше того, если использовать ее решительно, она может сделать все. Однако эта проблема носит национальный и интернациональный характер, и как таковая она почти неразрешима. Военные капелланы и представители религиозных организаций, работающие в войсках, обязаны использовать каждую возможность, чтобы внушить солдатам уверенность в себе и в деле, за которое они воюют. Церковные службы должны стать средством воодушевления солдат на ратные подвиги. Пусть песнопения, чтение библии, проповеди служат душевному подъему, внушают уверенность.

«Ты — творец, наш Бог, а мы — твои рабы». Это изречение следует постоянно напоминать. С божьей помощью английская империя добьется победы. Такая проповедь не может не восстановить уверенности.

Глава пятая

НАЗНАЧЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

«Ни один офицер, ни один сержант не оставит рядового солдата в неведении относительно назначения винтовки, штыка, пулемета или гранаты. Каждого солдата тщательно обучают пользоваться противогазом, показывают, как укладывать ранец. Однако считают почему-то само собой разумеющимся, что каждый военный служащий понимает, зачем нужна дисциплина.

На деле же слишком немногие глубоко понимают назначение и важность дисциплины. Почти столетия не дисциплинированность сознательно проповедовалась как закон жизни. Философы, ставившие во главу угла принцип «Поступай, как тебе нравится», нападали на все общепринятые нормы, законы и порядки: на женитьбу, семью, церковь, государство, империю и т. д. Даже в области музыки, литературы, театрального искусства отвергались ранее принятые формы, возникали новые школы (если их можно назвать школами), которые не признавали, казалось, никаких определенных правил. Философию последних пятидесяти лет можно назвать философией индивидуализма. Она де-

лала чрезмерный упор на права и привилегии индивидуума и на почти полное забвение прав и привилегий общества. Престарелый маршал Петен в своем историческом выступлении по радио возложил на эту философию вину за падение Франции. Пожалуй, он был прав.

Абсолютно необходимо довести до сознания каждого солдата, зачем нужна дисциплина. Гендерсон в «Науке о войне» пишет: «Война — не просто слепая битва между толпами людей, лишенных руководства и взаимодействия. Это конфликт между хорошо организованными массами, которые разумно взаимодействуют, подчиняются единой воле, имеют перед собой определенную цель».

Иными словами, главное назначение дисциплины — сплотить массу индивидуумов в организованный коллектив, действующий как единое целое, направленный на достижение единой цели и скованный единой волей. История неоспоримо доказывает, что как в мирное, так и в военное время такая система оправдывает себя. Она скорее приводит к достижению определенных целей, чем любая другая система.

В других сферах нетрудно найти подтверждение справедливости этого мнения. Футбольная команда, укомплектованная одиннадцатью блестящими игроками, которые действуют, полагаясь каждый только на себя, не будет иметь реальных шансов на успех против одиннадцати менее опытных футболистов, которые играют коллективно. При перетягивании каната из двух равных сторон неизбежно выигрывает та, которая действует согласованно. В гребле, в состязаниях по парусному спорту, теннису, игре в крокет и т. д. победа зависит от согласованности действий. То же и в бизнесе: успеха добивается та фирма, члены которой подчинены строгой дисциплине.

Обычно не только игнорируется значение дисциплины, но и, как правило, не учитывается опасность недисциплинированности. Эту опасность солдаты должны понять сразу же после вступления в ряды вооруженных сил. Они не будут противиться дисциплине, если осознают ее назначение и важность. Недисциплинированность будет вызывать презрение у солдат, когда они поймут, к какому беспорядку она приводит. Если бы поварам разрешили готовить пищу, когда им заблагорассудится, войска получили бы полное представление о недисциплинированности.

Различается дисциплина двух видов: дисциплина масс и дисциплина индивидуума. Относительно дисциплины масс Гендерсон говорит: «В плохо дисциплинированной армии

крайне низка мобильность. Вывести батальон в тысячу штыков на поле боя в назначенное время — задача нелегкая... Секрет успеха на поле боя кроется в умении сосредоточить превосходящие силы: моральные, материальные или те и другие — на решающем направлении». Высокодисциплинированные войска в наступлении проявляют большую энергию.

Гражданская война в Америке дала трагический пример ужасающего беспорядка, который возникает в результате отсутствия у войск тщательной подготовки и жесткой дисциплины. В истории можно найти немного случаев, когда солдаты шли в бой с такими чистыми мотивами, с большим рвением и большим бесстрашием. Но в течение продолжительного времени противостоявшие армии состояли главным образом из не знавших военного дела энтузиастов, которые совершали марш, когда им это нравилось, и расходились по собственному усмотрению. Результаты были фантастически причудливыми. Ни один командир не знал наверняка, сколько солдат будет у него на поле боя и когда они соберутся. А если они были налицо, он не знал, когда им вздумается прекратить бой. Каждый солдат был сам себе командир и считался только со своими желаниями. Но не было еще войны, которая знала бы столько актов личного героизма и в то же время такого огромного количества неоправданных жертв, столько попусту затраченных усилий.

Строевая подготовка окажется более плодотворной и менее утомительной, если солдаты будут понимать ее истинную цель. Эта цель заключается в том, чтобы: а) добиться согласованности действий и б) сделать повиновение привычным. Строевая подготовка часто подвергается критике (особенно со стороны тех людей, которым следовало бы знать побольше), ибо ее истинная цель остается непопулярной. Насмеваются над «древними церемониями», над «занятиями на казарменном плацу», объявляя их «безнадежно устаревшими» в век пикирующих бомбардировщиков и танков. Однако эта бойкая критика обходит самую суть строевых занятий. Солдат или полк никогда не будут повиноваться инстинктивно, если повиновение не стало привычкой. Длительным опытом неоспоримо доказано, что строевая подготовка — наиболее рациональный и даже единственный метод воспитания в коллективе привычки к повиновению. Рассмотрим один пример, который показывает, что может сделать дисциплина в критической обстановке. В начале войны, во время отступления от Монса, ба-

тальон английской гвардейской дивизии удерживал важный мост, являвшийся узловым пунктом обороны. От удержания этого моста зависело многое. Наступил критический момент. Немцы бросали на батальон дивизию за дивизией и уничтожали его. В неглубоком окопе осталось каких-нибудь тридцать человек. В нескольких метрах перед ними находился глубокий ров, который вел во фланг противника. Эта горстка людей вела неравный бой с целыми полчищами немцев, рвавшихся к мосту. Вдруг английский Томми, еще почти мальчик, крикнул: «Гвардейцы, вперед!» Уцелевшие гвардейцы бросились навстречу, казалось, неминуемой смерти. Пробежав метров пятнадцать, они спрыгнули в ров, который вел к немецкому флангу, и с тыла открыли сильный огонь по наступавшему противнику. Немцы заколебались и остановились. Наконец, последовала команда отступить, и волна наступавших начала откатываться назад. Вскоре прибыло подкрепление, и позиция у моста была спасена. Молодой Томми был отмечен в приказах и награжден. Генерал, командир дивизии, спросил: «Кто приказал продвинуться в тот ров?» Ему ответили, что это был восемнадцатилетний горнист. Пораженный генерал воскликнул: «Замечательный парень! Как вы отважились дать такое приказание?» Солдат ответил: «Это были гвардейцы, сэр, я знал, что они подчинятся». Да, он знал, что может положиться на боевой дух своего подразделения»¹.

Однако дисциплина массы — это еще не все. В современной войне недостаточно, чтобы тысяча человек действовала как одно целое. В настоящее время, более чем когда бы то ни было, каждый солдат должен быть воодушевлен, а не только проникнут духом безоговорочного повиновения. Он должен знать, что в грохоте современного боя исход атаки в значительной степени зависит от его инициативы. Такое обучение солдат прекрасно гармонировало бы с английским характером. Как раса свободных людей, мы располагаем очевидным психологическим превосходством над немцами. Не по капризу немецкого тактика появилась и развилась форма атаки сомкнутым строем, а в результате суровой необходимости, перед которой он был поставлен вследствие психологического недостатка, внутренне присущего немецкому характеру.

Лучшие черты психологического склада немецкого солдата — это инстинктивное послушание, чрезвычайное тру-

¹ Из лекции генерал-майора М. Б. Стюарта, прочитанной им в военном училище Соединенных Штатов Уэст-Пойнт. — *Прим. авт.*

долюбие и исключительное внимание к мелочам. Было бы глупо недооценивать эти ценнейшие качества. Правда, они нейтрализуются его слабыми сторонами: у него рабский об-раз мыслей, и он нуждается в хорошем руководстве.

Отдавая должное военной системе Германии, необходимо признать, что у немецких солдат были выдающиеся военные руководители. На протяжении более половины столетия немецкого офицера специально обучали командовать подчиненными на поле боя, и это обучение великолепно оправдывалось на практике. Реальная сила немецкой армии кроется почти исключительно в ее руководстве.

Как солдат немец уступает солдатам других рас. По общему мнению, немецкие формирования в период гражданской войны в Америке сражались хуже ирландских. Этот факт приобретает особое значение, если приять во внимание, что ирландцам свойствен индивидуализм, тогда как немцы больше других рас склонны к стадности. Ирландцев называли отличными солдатами, но по отношению к немцам это лестное определение не применялось. На английских солдат, которые в боях нынешней войны встречались один на один с немецкими солдатами, не произвели впечатления боевые качества немцев.

Описывая немецкое наступление на Тобрук, один военный корреспондент сообщал:

«Австралиец, в прошлом торговец из Сиднея, рассказал мне, как он и пять других солдат, входивших в патруль, обратили в бегство сорок немцев, а одного из них захватили в плен.

— Мы получили сообщение, — говорил он, — что за проволочным заграждением находится около сорока немцев. Мы пошли вшестером, чтобы не слишком ослаблять пост.

Продвинувшись под прикрытием огня, который бойцы непрерывно вели через наши головы, группа со штыками наперевес ворвалась в расположение немцев.

Мы уничтожили пятерых из них, не дав немцам опомниться.

Нескольким немцам я нанес удары прикладом. Затем я схватил камень — и уцелевшие упали на колени. Один из них слезно умолял: «Не убивайте меня», а другой кричал: «Сдаюсь, сдаюсь!»

Теперь я считаю, что, когда дело доходит до рукопашной, немцы не лучше итальянцев».

Сержант шотландского полка, участвовавший в рукопашных схватках прошлой и нынешней войн, сказал: «Те-

перь немецкие солдаты не похожи на своих отцов периода 1914—1918 годов. Эти парни — бойцы ближнего боя, и к тому же отчаянные».

Наивное представление австралийца, что шесть человек в состоянии драться против сорока немцев, заслуживает специальных комментариев.

Убеждение англичанина — отнюдь не наглое, — что он стоит по меньшей мере трех иностранцев, возникло еще в битве при Азенкуре, где он не признал себя в невыгодном положении при значительном численном превосходстве противника. Даже в современных условиях исход боя зависит не столько от численности и вооружения войск, сколько от воли солдат. Источник морального превосходства английского солдата заключается в том, что он по своему психологическому складу не способен представить себе собственное поражение.

Дисциплина индивидуума в отличие от дисциплины группы людей получает наилучшее развитие в индивидуальном обучении. Нужно использовать каждую возможность, чтобы дать солдату проявить инициативу. Глупый упрек: «Вы здесь не для того, чтобы думать», который так часто срывается с уст не слишком образованных сержантов, должен быть заменен другим: «Вы здесь для того, чтобы думать». И на казарменном плацу, и в классе каждого солдата нужно заставить думать не только за себя, но и за других солдат подразделения.

Если солдату запретить думать, не возлагать на него ответственности, не разрешать действовать или передвигаться иначе как по команде, он очень скоро потеряет всякую способность к проявлению инициативы. В современной войне, когда сражения приобретают гораздо больший размах и напряжение, чем когда бы то ни было прежде, совершенно неизбежна обстановка, в которой отдельным солдатам придется действовать самостоятельно, по своему усмотрению. Необходимо разработать такую систему оди-ночной подготовки солдата, чтобы она помогала ему во все-оружии встречать любую опасность.

Нередко можно услышать, что нынешний солдат, более образованный и развитый, чем его предшественник, не нуждается в суровой дисциплине. Это крайне опасное заблуждение. Высокодисциплинированная армия, укомплектованная солдатами с низким уровнем развития, наголову разгромит плохо дисциплинированную армию, укомплектованную выпускниками университетов. Независимо от уровня образования личного состава ни одна армия не может быть бое-

способной, пока повиновение солдат не станет привычным. Опыт показывает, что на поле боя даже образование — менее ценное качество, чем дисциплина.

Утверждение, что привычка к инстинктивному повиновению убивает инициативу и притупляет ум, просто неверно. Английские морские офицеры воспитываются с тринадцати с половиной лет и проходят всю службу в условиях железной дисциплины, однако в бою они проявляют изумительную инициативу и острый ум, наводящие страх на врагов и вызывающие восхищение друзей.

Дисциплина составляет основу морального состояния войск.

Глава шестая ПСИХОЛОГИЯ ДИСЦИПЛИНЫ

Вновь назначенный командир склонен рассматривать дисциплину как поддержание порядка среди группы подчиненных ему людей. «Насколько строги его требования к дисциплине?» — этот вопрос часто задают об офицерах и сержантах. Что такое дисциплина? Как она насаждается? Какие люди способны успешнее насаждать дисциплину?

Если мы обратимся к хорошему английскому толковому словарю, то увидим, что корень слова «дисциплина» (discipline) — disciple, что значит «ученик, учащийся». Под дисциплиной сейчас понимают систематическое обучение, упражнение, развитие и контроль умственных, моральных и физических способностей, а также систему обучения и контроля, внедряющую подчинение узаконенной власти, самоконтроль и соответствующее установленному порядку поведение.

Мы будем правы, если скажем, что тот, кто поддерживает порядок среди группы людей, насаждает дисциплину. Однако мы будем правы только наполовину. Более активным воспитателем является тот, кто способен оказать такое влияние на коллектив, чтобы каждый его член поддерживал порядок.

Принуждение большей частью вносит расстройство в дисциплину, ибо оно является средством утвержденной власти, и присуще родителям, учителям, государству, церкви. Все они считают простым и удобным требовать: «Делай так и так, в противном случае...»! Утвержденная власть действует дубинкой, иногда физической, иногда моральной. Между тем самый элементарный жизненный опыт свидетель-

ствует, что принуждение эффективно только до тех пор, пока существует возможность применения физической или моральной дубинки.

Хороший командир никогда не удовлетворяется малым, он всегда стремится достигнуть максимума, ибо только высокая ступень дисциплины создает почву для самоконтроля. Совершенно недостаточно, призвав в армию человека, превратить его в хорошо сражающуюся машину. Имеются более важные задачи, чем эта. Естественно, что хороший командир считает службу в армии благородной профессией. Свою настоятельную задачу он видит в том, чтобы поднять общий моральный уровень личного состава, развить его лучшие качества, каждому дать возможность усвоить, что необходимо воспитывать чувство собственного достоинства, которое рождает все другие достоинства. Солдату дисциплина необходима более, чем кому бы то ни было другому. Однако существует большая разница между дисциплиной, которая ограничивает и раздражает, и дисциплиной, которая существует как полезный побудительный мотив.

Когда лет шестьдесят назад лорд Робертс был назначен командующим войсками в Индии, его внимание привлекло одно тревожное явление. Еще младшим офицером он с ужасом наблюдал публичные телесные наказания, которым подвергались солдаты его батареи. Он давно пришел к выводу, что постоянные наказания делают солдата черствым, безразличным к той роли, которую он играет в полку. Заняв пост командующего, лорд Робертс строго приказал всем, имеющим отношение к дисциплинарной практике, перейти от телесных наказаний к снисходительности.

«Я требую, — писал он, — чтобы в первые два-три года службы солдату делалась скидка на молодость и неопытность». Более того, он настаивал на том, чтобы поощрялись солдаты, фамилии которых не внесены в списки нарушителей, чтобы им предоставлялись отпуска и вообще большая свобода. Эти мудрые уступки вызвали переворот, и списки нарушителей исчезли.

Проявив здравый подход к решению вопроса о принуждении, Робертс в течение четырех лет добился того, чего веками не способны были сделать тысячи сторонников «жесткой дисциплины» с помощью расстрелов, порок и тюрем.

История, кажется, не признала, что лорд Робертс был не только выдающимся полководцем, но и пионером в области социальной реформы. Полстолетия назад пьянство еще было опаснейшим социальным злом, и все, что делали законодатели, не имело сколько-нибудь существенного значения.

Девяносто процентов всех преступлений в армии было прямо или косвенно связано с пьянством. Робертс не был самодуром, и он отлично понимал, что солдат не становится хуже, если он любит выпить кружку пива. Но генерал поставил перед собой задачу покончить с пьянством. Его план искоренения зла путем заполнения времени полезными занятиями был простым и мудрым. Это он приказал организовать в каждом полку солдатские клубы, где солдаты могли почитать газеты, поиграть, перекусить, купить необходимые мелочи (сейчас солдаты принимают это как должное). Здесь же было и пиво для тех, кто его любит, однако, как и предполагал генерал, большую часть своего денежного содержания солдаты начали тратить на другие вещи, когда это стало для них доступным. Мы не преувеличим, сказав, что своими реформами Робертс сэкономил миллионы фунтов стерлингов, ибо эти реформы способствовали ликвидации преступлений и предотвращению заболеваний.

Эти методы нашли применение не только в армии. Пятьдесят лет назад розга или палка были необходимой принадлежностью каждой английской школы. В те дни ученик за один урок получал от своего преподавателя, пожалуй, большую порку, чем в наше время он получает от отца за вторжение в кладовку. Каждый учитель тратил значительную часть урока на избивание учеников, причем не за дурные наклонности, а просто для того, чтобы, как тогда искренне верили, изгнать из детей дьявола и вселить в них добродетель в облике знаний. Нет необходимости говорить, что прогулы воспринимались как должное.

Сейчас палка почти исчезла, нет и прогулов. Только твердолобые могут настаивать, что современные молодые люди превращаются в скотов, раз телесные наказания стали редким явлением. В настоящее время преступления молодежи составляют ничтожную долю того, что было при жизни прошлого поколения. Никогда еще образование не достигало такого высокого уровня. Тем престарелым членам городского магистрата и другим самоуверенным людям, которые со скорбью заявляют об упадке образования, не мешало бы сравнить свои экзаменационные работы с работами современной молодежи, чтобы понять, какой колоссальный прогресс достигнут в этой области.

Почему исчезла палка из большинства школ? Ответ можно прочесть в книге доктора Раймонта «Современное образование». Это случилось потому, что «рабство было заменено дисциплиной. Спектакли, концерты, игры, лагеря — все

это превратило школу в огромную область общественной деятельности».

Вывод Раймонта имеет такое важное значение, что его стоит повторить. Прогулы были ликвидированы, преступность молодежи резко сократилась, жизнь детей стала в тысячу раз счастливее, потому что рабство было заменено дисциплиной. Спектакли, концерты, игры, лагеря — все это превратило школу в огромную область общественной деятельности.

Преподаватели и ученики находятся теперь в контакте не только в классе, но и в ряде других мест. Они связаны общими интересами в играх, концертах и других общественных мероприятиях и потому знают друг друга как людей, а не только как преподавателей и учеников. Они являются членами одного коллектива, верят друг другу и чувствуют взаимную привязанность. Старая же система дисциплины, основанная на насилии, применяется только теми, кто не способен применить новые методы.

Когда члены коллектива проникнуты духом товарищества и чувствуют себя заодно с каждым из его членов, они из личных соображений не допустят нарушения установленного порядка, ибо ни один человек не совершит проступок против самого себя. Ни один человек не станет доставлять неприятности своему руководителю, которого он знает, уважает и мнением которого дорожит. Да и руководителю, даже отличающемуся грубостью, трудно бесчувственно и несправедливо отнестись к человеку, которого он знает и за благополучие которого отвечает.

Сейчас уже ясно, что наиболее устойчивая дисциплина определяется следующими условиями.

- 1) Руководитель знает каждого своего подчиненного.
- 2) Каждый подчиненный знает своего руководителя.
- 3) Руководитель неизменно солидаризируется с коллективом.
- 4) Вся группа сплочена в коллектив, воодушевленный энтузиазмом руководителя.
- 5) Группа проникнута высоким духом товарищества.
- 6) Коллектив хорошо обучен, энергичен и инициативен.

Если создать перечисленные условия — что при всех обстоятельствах вполне достижимо, — то преступления исчезнут, обучение будет быстро прогрессировать, солдаты станут боеспособными, гауптвахты окажутся ненужными. Можно ли сомневаться в этом? Лучшие школьные преподаватели при худших условиях, ибо их работа в группе длится только шесть часов в день, пять дней в неделю при длительных ка-

никулярных перерывах, совершили куда большее чудо в трущобах наших великих городов. Поколение назад дети, как правило, скрывались в ближайший закоулок, увидев на улице своего учителя. Теперь обычное другое — ребята ожидают своего учителя и сопровождают его в школу. Где наиболее здоровые отношения?

Что же эффективнее: рабство или дисциплина?

Глава седьмая

ПСИХОЛОГИЯ ДИСЦИПЛИНЫ

(Продолжение)

Наилучший результат в насаждении дисциплины дают экспрессивные, а не репрессивные методы. Когда дисциплины добиваются одними репрессиями, солдаты становятся ленивыми и перестают должным образом реагировать на арест или другое наказание. Они теряют инициативу, перестают быть искренними. Преимущественное применение репрессий вынуждает прибегать к постоянному надзору. Солдат приходится принуждать, вместо того чтобы руководить им. Такая система неэкономична, ибо ее надо подпирать широкой и дорогостоящей организацией, которая к тому же несколько не содействует повышению боевого духа и боеспособности армии. К этой организации относятся военные тюрьмы, гауптвахты, обслуживающий персонал тюрем, военная полиция, дополнительный штат медицинских работников, дополнительные караулы в полку, дополнительное вооружение и т. д.

Чтобы достичь высокой боевой мощи, армия должна быть высокодисциплинирована. Дисциплина же подразделения и части складывается из дисциплины отдельных солдат. Дисциплинированность солдат достигается не тем, что они наказываются за какие-то неправильные действия, а тем, что, оказывая на солдат влияние, их побуждают поступать правильно. Если солдату постоянно дают приказания, которые он не в силах выполнить, то вскоре он перестанет выполнять и нетрудные задания. Сначала солдата необходимо тщательно обучить тому, что он должен делать, а потом уж отдавать ему приказание. Следует принимать во внимание, что одни солдаты медленнее других усваивают то, чему их обучают. Каждый новый прием нужно настойчиво отрабатывать по отдельным элементам. Все детали, из которых складывается дисциплина, должны вновь и вновь тщательно изучаться. Если сборка пулемета поручена рекруту, инструктор не име-

ет права ставить в смешное положение неловкого, неудачливого солдата и внушать ему ложное чувство неполноценности только из-за того, что он менее сообразителен, чем другие.

Непонимание приказа не может быть оправданием его невыполнения. В то же время совершенно бессмысленно ожидать от молодого солдата, чтобы он сам сразу во всем разобрался, а если ему это не удалось, наказывать в наказание на будущее. Самый эффективный способ заставить солдата выполнять приказы — это выработать у него привычку понимать то, что ему надлежит знать. Пока у солдата чистая карточка поведения, он сдвинет горы, лишь бы сохранить ее чистой. Но как только туда будет внесена первая запись о проступке, хотя бы самом незначительном, этот побудительный мотив исчезнет. Поэтому ни одному офицеру не следует без крайней необходимости принимать на себя тяжкую ответственность за пренебрежение таким серьезным побудительным мотивом.

В своей замечательной книге «Десять заповедей управления кораблем» капитан 1 ранга Рори О'Конор пишет: «Достоинство и величие нашей службы требуют, чтобы каждому офицеру и матросу доверяли, а в случае нарушения им тех или иных правил видели в этом результат незнания или забывчивости, но не злого умысла. Если же офицер или матрос снова допустит промах, то люди, несущие за него ответственность, могут спокойно действовать, имея в виду, что на их стороне весь флот, дисциплинарный устав и парламент».

Эти благородные слова должны быть в сердце каждого офицера, призванного контролировать осуществление военного закона.

Мы совсем не имеем в виду, что дисциплина исключает применение репрессий. В самом деле, если командир подзревает, что его подразделение или часть может выйти из повиновения, ему следует немедленно принять крутые меры. Не опасно, если он временно приобретет репутацию жестокого человека. Зарекомендовав себя как офицер, знающий свое дело, он может отпустить вожжи. Если понадобится, он может снова натянуть их, но едва ли это придется делать.

Помните, что натянуть брошенные вожжи невозможно. Поэтому ни одно нарушение дисциплины нельзя оставлять непресеченным, ни один серьезный проступок не следует замалчивать. Всякое своеволие нужно незамедлительно пресекать — иначе подразделение выйдет из повиновения.

Чтобы не допустить крупных нарушений дисциплины,

надо следить за мелкими недостатками, вовремя и решительно устраняя их.

Этот важнейший урок дисциплинарной практики необходимо заучить. Многие офицеры склонны пренебрегать мелочами, искренне надеясь, что солдаты поймут их дружеское отношение и не допустят нарушений в более серьезных вопросах. Но это опаснейшее заблуждение. Если в подразделении много серьезных нарушений дисциплины, можно с уверенностью утверждать, что не пресекались незначительные проступки: например небрежность в одежде, отсутствие пунктуальности и т. д.

Золотое правило дисциплинарной практики — заботиться о мелочах, и тогда не возникнет осложнений в крупных вопросах.

Что касается взысканий, то помните: вы имеете дело с взрослыми людьми. Наказание — самый серьезный акт одного человека, направленный против другого, и оно требует чрезвычайного внимания.

Величайший реформатор XVIII столетия Беккариа, заложивший основу всех современных уголовных кодексов, руководствовался следующими правилами, верными в настоящее время, как и в тот период, когда они были разработаны.

1. Лучше предотвратить преступление доверием, чем пресекать его жестоким наказанием.

2. Страны, в которых узаконены самые жестокие наказания, известны и самыми кровавыми, самыми бесчеловечными преступлениями, ибо руку преступника и законодателя направляет одно и то же чувство — жестокость.

3. Всегда гораздо эффективнее немедленное наказание.

4. Преступления часто вызывает сам закон.

5. Один из верных методов предотвращения преступлений — поощрение добродетели.

Следует подчеркнуть, что наказание нельзя превращать в простую формальность. Каждое нарушение должно рассматриваться по существу и с точки зрения интересов всего подразделения. Надо постоянно иметь в виду следующий вопрос: как добиться наиболее высокого морального состояния подразделения? Иногда этого действительно можно достичь путем примерного наказания, но гораздо чаще проявлением безграничного великодушия.

Хорошо известен случай, когда Наполеон во время проверки караулов обнаружил, что один часовой заснул в снегу на своем посту у опушки леса. Согласно уставу Наполеон должен был вызвать начальника караула, посадить под

арест нарушителя, а затем отдать его под суд и расстрелять перед строем. Такое преступление нельзя простить, где бы оно ни было совершено — в своей ли стране, или на территории противника. Нет пощады солдату, который, постыдно заснув на посту, ставит под угрозу жизнь своих товарищей. Самому молодому капралу было ясно, как должен был поступить Наполеон.

Но Наполеон — гениальный человек, а гений действует так, как не придет в голову поступить обычному человеку. Он поднял ружье спящего часового, вскинул его себе на плечо и занял оставленный утомленным солдатом пост. Прибыв со сменой, сержант увидел, что часовой все еще спит, а император стоит на его посту.

Кто наберется смелости утверждать, что Наполеон допустил ошибку, что он потворствовал такому нарушению долга? Этот проницательный психолог безусловно был прав. Генерал сэр Джордж Макманн заметил по поводу этого инцидента: «Никто лучше его не знал, какая усталость одолевает солдата, целый день находившегося в походе. Никто лучше его не понимал, что история о «маленьком капрале», взявшем на плечо ружье, вместо того чтобы вызвать подразделение для расстрела, на следующий день молнией облетит весь бивак и походные колонны. После этого случая стало славиться не только великое обаяние императора, но и его тонкое чутье пропагандиста».

Да и почему бы не поступить именно так? Личное право каждого командира — всеми способами добиваться от своих войск наивысшей боеспособности и эффективности. В данном случае Наполеон проявил большую мудрость, найдя, что лучший путь к достижению цели состоял не в том, чтобы следовать букве военного закона, а в том, чтобы игнорировать ее и оставить в живых человека, заслужившего расстрел.

Даже лишенным воображения людям нетрудно представить себе, какое моральное воздействие оказал этот инцидент на войска Наполеона. Если бы им был дан приказ немедленно вступить в бой, они дрались бы с таким самозабвением, с таким жаром, что поразили бы даже своего принципиального главнокомандующего. Разве солдат поколебался бы отдать жизнь, идя в бой с таким руководителем? Вы скажете, глупо? Глупо ли, нет ли, но это действительность. Во многих случаях великодушие решает успех дела, и умный руководитель должен уметь пользоваться им.

С новобранцами следует дружески побеседовать по всем вопросам дисциплины в свете их прав и привилегий, предус-

мотренных уставом. Следует тщательно объяснить цель наказаний. Цель эта состоит в предотвращении проступков, а не в возмездии. Действуя в соответствии с военным законодательством, офицер должен спросить себя, следует ли наказывать в данном случае, а если необходимо, то какое наказание может быть наименьшим.

Особенно серьезное предупреждение нужно сделать в отношении массовых наказаний. Например, если во время еженедельной проверки обнаруживаются непорядки в каком-нибудь помещении казармы, пельзя вместо объективного расследования причин огульно наказывать всех солдат сверхурочной работой и т. д. Это может иметь чрезвычайно пагубные последствия. Психология группы людей существенно отличается от психологии индивидуумов, которые составляют группу. Когда вся группа убеждена, что она наказана незаслуженно, возникают весьма опасные психологические последствия. Массовое наказание часто вызывает серьезные преступления, ибо оно сплачивает солдат в целях протеста.

И во-первых, и во-вторых и в-десятых, — словом, всегда надо думать о моральном состоянии солдат, которое укрепляется прежде всего в атмосфере справедливости, доверия и уважения.

Глава восьмая

ЖЕНЩИНЫ

Когда народ поднимается на войну за национальную независимость, он ясно видит перед собой определенную общую цель, о которой забывают в обычных условиях. Групповой инстинкт значительно усиливается в результате того, что всякого рода социальные преграды, разделяющие индивидуумов, ломаются. Высшие классы благосклонно относятся к низшим, чего не бывает в нормальных условиях. Пассажиры общественного транспорта, обычно молчаливые и скрытные, вовлекают друг друга в оживленные разговоры. Мужчины и женщины разных социальных слоев вступают в браки, которые в других условиях не получили бы одобрения. Барьер между полами если не разрушается, то во многих случаях нарушается. Ограничения, которые раньше способствовали поддержанию дисциплины внутри определенного коллектива, теперь отбрасываются. Все общество смыкает свои ряды перед выступлением в поход.

Возникающие в результате этого проблемы усугубляются другими факторами. Наиболее жизнедеятельная часть муж-

ского населения страны приобретает ореол защитника слабых, и женщины инстинктивно тянутся к ней с лестью и благодарностью. Проблема осложняется тем, что эта жизнедеятельная часть населения изолируется в лагерь: мужья отрываются от жен, неженатая молодежь освобождается от ограничений родительской дисциплины и получает возможность удовлетворять свое половое любопытство. Женщины легкого поведения охотятся за ними в окрестностях каждого лагеря. Особенно печально, что многие легкомысленные девушки, едва достигнув пятнадцати — семнадцати лет, вовлекаются в этот водоворот и доходят до состояния полной моральной деградации.

Эти проблемы необходимо рассматривать как неизбежное следствие войны. Нам постоянно напоминают, что «человек остается человеком». Многие образованные люди, которые, несомненно, не принадлежат к числу сластолюбцев, половую распущенность солдата в данных условиях считают не только неизбежным, но даже желательным явлением. Почему бы тогда не оставить в покое этот вопрос?

Но как бы мы ни пытались отмахнуться от него, он не оставляет нас в покое. При этом беспокоит не только неумолимый факт заболеваний, но и поразительная связь между нравственностью и моральным состоянием войск. Холл, как беспристрастный исследователь, не преследующий никаких корыстных целей, утверждает: «Для достижения наибольших успехов в войне всем людям, какое бы положение они ни занимали, необходимо воздержание высшего порядка».

Это суждение не столь экстравагантно, как может показаться на первый взгляд. Никто не станет отрицать, что строжайшее воздержание необходимо для достижения успехов в спорте. Каждый честолобивый спортсмен помнит, что невоздержание ведет к неудаче. Это не предрассудок. Снова и снова на практике подтверждается, что спортсмен высшего класса теряет свою квалификацию только из-за несоблюдения этого правила, которое так важно для постоянного успеха на ринге, поле, треке.

«Общезвестно — и это доказано на опыте, — говорит доктор Лоуренс Браун, — что половые злоупотребления приводят мужчин и особенно женщин к многочисленным болезням первой системы и вызывают другие хронические недуги. Растрата половой энергии вызывает нарушение деятельности системы эндокринных желез по той веской причине, что половые железы и мужчин и женщин тесно связаны с железами внутренней секреции, выполняющими об-

ширный комплекс важных функций и контролирующими многие стороны деятельности человеческого организма».

Следовательно, Холл не преувеличивает, утверждая, что на павший успех в войне невозможен без воздержания.

В самом деле, обыватель, который, пожимая плечами, настаивает на том, что наши инстинкты даны для того, чтобы пользоваться ими, и что необходимо предоставлять им полную свободу, едва ли в состоянии понять, что медицина не может согласиться с таким мнением. «Если этот принцип хорош в отношении половых инстинктов, почему он должен быть иным в отношении других инстинктов? — справедливо спрашивает доктор Хэдфилд. — Допустим, при первом разрыве снаряда солдат бросает позицию и бежит прочь. На суде он оправдывает свое поведение «естественным инстинктом». Выслушав такую аргументацию, бригадир¹ поднимается, жмет ему руку и говорит: «Я поздравляю вас, дорогой друг, ибо вы привели решительный довод против глупых обвинений этого средневекового прокурора». Или, например, мужчина, возмущившись тем, что его толкнули в толпе, бьет совершенно невинного прохожего, давая волю своему инстинкту мести. Очевидцы этого поступка одобряют его за смелое предоставление им воли своим чувствам, а один из них замечает: «Инстинкты для того и даны, чтобы их удовлетворять, а не подавлять». Еще один случай: вора, задержанного ночью в банке, директор банка полностью реабилитирует и одобряет его на том основании, что вор руководствовался инстинктом любознательности и приобретения. Вот мир, в котором мы должны были бы жить!»

Итак, этот вопрос имеет более общее значение. Половой инстинкт лежит в основе как самых высших, так и наиболее низменных проявлений человеческого характера.

Нормальная половая жизнь вызывает глубокие альтруистические чувства. С нею связаны привилегии, но есть и определенные конкретные обязанности: обеспечение дома, забота о жене и детях, привязанность к ним и т. д. При ненормальной же половой жизни привилегии не уравновешиваются обязанностями. Слстолюбвец, как правило, бывает эгоистичным, самовлюбленным, неустойчивым и беспринципным.

Во время своих боевых кампаний Наполеон неизменно возил с собой досье на всех генералов противника, чтобы строить свою тактику, противопоставляя ее их замыслам,

¹ Бригадир — первичное генеральское звание в английской армии. — *Прим. ред.*

которые непременно должны были определяться их характером и умом. Разрабатывая свои планы, он всегда учитывал психологию военачальников противника. Например, в сражении при Ватерлоо, когда Наполеон оказался перед выбором, кого из союзников атаковать прежде всего, он принял решение первый удар нанести по пруссакам, ибо превосходно знал, что Блюхер был слишком пылким, чтобы уклониться от боя и присоединиться к более осторожному Веллингтону.

Немцы усовершенствовали психологические приемы Наполеона и довели их до настоящего искусства. С дьявольской изобретательностью они использовали тот факт, что моральный облик — самое главное при оценке любого индивидуума. Перед вторжением в страну они отлично знали, кого можно купить и за какую цену. Они мастерски играли на тех скрытых страхах, которые таятся в глубине души каждого человека. Система Наполеона была усовершенствована, и досье заводились на официальных лиц небольших городов, руководителей местных профсоюзов, известных граждан и владельцев собственности. Этот принцип должен получить дальнейшее развитие, ибо не только индивидуумов, но и целую группу людей характеризует прежде всего их моральный облик.

В немецкой армии прошлого тоже считалось, что свободные половые связи неизбежны для солдата. Поскольку этот взгляд был официальным, предпринимались меры для ограждения военнослужащих от венерических заболеваний средствами научной профилактики. Позднее утвердилась другая официальная точка зрения: половая распущенность якобы не только неизбежна, но и желательна. Задолго до войны тайно поощрялись случайные связи между юношами и девушками из соседних трудовых лагерей. Согласно более позднему свидетельству из Польши, количество немецких солдат, размещаемых в доме, определялось числом проживавших в нем молодых женщин. Не лишен цинизма и тот факт, что все немецкие военнопленные, попадавшие в наши руки, имели презервативы, как будто они были их табельным имуществом. Никто не сомневался, что если бы Германии удалось установить господство во всем мире, ее военнослужащих всемерно побуждали бы к всевозможным формам грабежа.

Подобные примеры говорят о тесной связи между нравственностью и моральным состоянием войск. Не будет сколько-нибудь необоснованным вывод, что жестокость, присутствующая характеру немецкого военнослужащего, и полное иг-

пориновение им всех законов нравственности — прямое следствие официального игнорирования принятых в немецкой армии норм половых отношений. Вряд ли можно иначе объяснить совершавшиеся по личной инициативе хладнокровные убийства женщин и детей. Слезливые вопли немецкого солдата о пощаде, когда он видит карающее правосудие на острие штыка своего противника, поразительно напоминает жалобное хныканье сластолюбца, застигнутого с чужой женой. Кто наберется смелости утверждать, что моральный облик солдата не имеет значения?

В английской армии половая распущенность официально рассматривается как серьезное зло, поэтому предпринимаются решительные меры для борьбы с пей. Однако, подобно многим проблемам, возникающим в вооруженных силах, эта проблема касается всей нации, и только нация в состоянии решить ее. Это дело всего общества, а не отдельной его части.

Нация в состоянии сделать очень многое. Можно шире, чем это делается, использовать радиопередачи для укрепления нитей, связывающих солдата с домом. Надо вести настойчивую кампанию по укреплению домашних и семейных отношений. Развлечения и другие мероприятия должны пробуждать лучшие, а не худшие инстинкты солдат.

Существенный вклад может внести и сама армия. Офицерский состав полка должен позаботиться о том, чтобы казарменные помещения были привлекательнее публичного дома, а лагерь — города. У плохого офицера подчиненные всегда будут стремиться в свободное от службы время вырваться из расположения части. Но почти всем известно, что лучшая часть юношей и мужчин проводит время, как правило, не в публичных домах, биллиардных, танцевальных залах и т. д., а в вечерней школе, гимнастическом зале, спортивной площадке, на лужайке для игры в шары или на земельном участке. Для армии чрезвычайно выгодно поощрять личный состав к высшим достижениям. Человек стремится жить, это его сильнейшее желание, и если в лагере скучно и неинтересно, половая жизнь военнослужащих будет нездоровой.

Специальные «беседы о непристойностях» очень редко бывают эффективными, так как на них скромные солдаты чувствуют себя запятанными, а безправственные воспринимают их как развлечение. В любом случае психологически неверно подходить к проблеме с ее негативной стороны. Подход должен быть позитивным. Вместо нападок на зло половой распущенности необходимо показывать выгоду фи-

зической чистоты. Одна фраза, сказанная как бы невзначай инструктором по физической подготовке, несравненно ценнее длинной лекции, прочитанной представителем королевского медицинского колледжа.

В такого рода вопросах престиж человека, дающего совет, имеет первостепенное значение, а обращение отличного спортсмена, пользующегося уважением, окажет гораздо большее влияние на здоровых молодых людей, чем лекция престарелого профессора медицины.

Несведущие люди считают, что женщины и девушки Вспомогательной территориальной службы¹ осложняют половые проблемы солдата, но на самом деле они оказывают здоровое влияние. Вопреки критике, направленной против офицеров этого корпуса, нет серьезных оснований сомневаться, что это достойные женщины, которые оказывают большое личное влияние, а в этом и заключается чрезвычайное важное значение любой женской организации.

Признано, что женщины легче поддаются влиянию, чем мужчины. Если их верность и не слишком продолжительна (нет реальных доказательств, что это не соответствует действительности), то они более активны и менее склонны уклоняться от исполнения своих обязанностей. Офицеры показывают хороший личный пример, которому охотно следуют остальные, и общее положительное влияние этих женщин ощутимо сказывается на всей армии.

Невозможно было бы сохранить в строгой тайне жизнь личного состава Вспомогательной территориальной службы, к тому же женщины более ревниво оберегают свою репутацию, чем мужчины. Нормальному мужчине тоже свойственна гордость, и он не захочет, чтобы его увидели с женщиной, которая занимается проституцией. Гораздо больше мужчин, чем это может показаться, придерживается высоких идеалов по отношению к женщине. Это особенно заметно в среде трудящихся классов, где брат и сестра вместе растут, вместе посещают школу и связаны узами любви и дружбы. В этих условиях их половые интересы развиваются более нормально, чем половые интересы детей, изолированных в закрытых пансионах.

Кроме того, в семьях трудящихся классов гораздо сильнее влияние матери, ибо она ближе к детям и более настойчива. Жизнь людей трудящихся классов сопровождается подъемами и падениями, которых богатые и обеспеченные

¹ Или женский вспомогательный корпус американской армии.—
Прим. авт.

классы могут никогда не знать, а трудности сплачивают семью.

В результате представитель трудящейся молодежи часто показывает не менее высокий пример моральной чистоты, чем отшельник. Он знает, какой позор сопровождает незаконнорожденного. Он понимает, какой стыд и отчаяние овладевают девушкой, которая попадает в беду. Глубокое личное уважение к своим сестрам настраивает его на уважение ко всем женщинам. Как правило, он предъявляет высокие требования к моральным устоям женщины, на которой собирается жениться. Трудящиеся классы придают большое значение физической чистоте, которой пренебрегают обеспеченные классы. Поскольку групповой инстинкт в среде трудящихся классов крепче, чем среди других, они серьезнее относятся к последствиям, вызываемым неразборчивостью.

Совершенно очевидно, что **Вспомогательная территориальная** служба имеет свои моральные проблемы, ибо ни одна человеческая организация не может быть безупречной. Однако благодаря умному руководству нарушения нравственности здесь очень редки. Если бы вся проблема морального облика солдата была передана в ведение специального департамента военной психологии, появилась бы реальная возможность использовать влияние представителей **Вспомогательной территориальной** службы. И тогда воздержание стало бы идеалом армии.

Каждый мужчина стремится к тому, чтобы женщина ставила о нем выгодное мнение, а поскольку сами женщины имеют здоровое представление о моральных ценностях, этот инстинкт можно использовать, если подходить к вопросу с научных и деловых позиций.

У каждого здорового молодого человека наступает время, когда он нуждается в женском обществе. В этом нет ничего предосудительного. Женские организации по всей стране проводят отличную работу среди солдат, организуя их отдых и развлечения во внеслужебное время. Но этого еще недостаточно. Солдату хочется поговорить с женщинами, которые сочувственно выслушали бы его рассказы о трудностях солдатской жизни. Женщины, участвующие в этой работе, должны понять, что наименее важная часть их добровольного труда состоит в раздаче чая и сдобных булочек. Мужчины нуждаются не только в отдыхе, но и в облагораживающем влиянии женского общества. Женщины, способные понять это, испытывают глубокое удовлетворение, сознавая, что именно их влияние удержало многих солдат на правильном пути.

Хорошо известно, что в период прошедшей войны хирургия, а также психиатрия достигли огромного прогресса. Однако многие важнейшие психологические проблемы еще ожидают своего решения. Давно признано, что человек в состоянии направить свою половую энергию по каналам, которые, будучи созидательными, не являются производящими. Именно это и происходит, когда, скажем, плотник сколачивает клетку для кроликов, художник пишет картину, а радиолу-битель конструирует свой собственный приемник. Этот процесс носит название сублимации. Отвлечение половой энергии здесь происходит бессознательно. Но есть и другой процесс, сознательный, который еще ждет научного исследования. Это процесс превращения. При этом процессе половая энергия направляется из генеративных каналов в регенеративные. Напомним слова доктора Лоуренса Брауна: «Использование жизненно важной половой энергии в регенеративных целях вызывает удивительные перемены в физическом состоянии организма. Эти изменения становятся очевидными в самое короткое время. Улучшение физического состояния организма способствует поднятию умственной деятельности, что в свою очередь ведет к невиданной духовной уравновешенности».

Равновесие. Тело, ум, душа в гармоническом равновесии. Это ли не наивысший идеал человека!

Глава девятая

БОЕВОЙ ДУХ

Появление нового оружия неизбежно ведет к изменениям в тактике. Еще в недалеком прошлом исход сражения решался в рукопашной схватке. Человек сходил с человеком, напоя и отражая удары. В действие вступали могучие психические силы. Менее чем в метре от своего противника вражеский солдат с шипеньем произносил проклятья на непонятном языке. Он выглядел чужим и страшным, глаза его выражали ужас или злобу, а весь его вид свидетельствовал о бессмысленной жажде убийства. В таких условиях единственный выход — собрать всю энергию и мужество и сбить противника с ног.

Автоматическая винтовка, пулемет, взрывчатые вещества расширили возможности уничтожения, и армии вынуждены были окапываться для защиты от новых средств истребления. В результате психические силы, которые прежде играли столь видную роль, начали утрачивать свое значение

по мере увеличения разрушительной силы оружия. Теперь оказалось сложнее поддерживать ненависть к противнику, ибо он стал почти невидим. Скорее оружие сейчас противостоит оружию, чем человек человеку. И солдаты почти перестали испытывать к противнику чувство личной вражды.

В рождество 1914 года в ничейной зоне были случаи настоящего братания между английскими и немецкими войсками. Происходил обмен чаем и табаком, сопровождаемый криками «ура!» на английском и немецком языках. Командующий английскими войсками генерал сэр Джон Френч немедленно принял меры, чтобы предотвратить в будущем подобные явления, и провел длительную кампанию бесполезной критики.

Показательно, что не известно ни одного случая братания между французскими и немецкими войсками. Сама мысль об этом в период 1914—1918 годов показалась бы французам чудовищной. Настроения двух союзных армий оставались резко противоположными с первого до последнего дня войны. Для француза война была личным, а не посторонним делом. Он сражался на своей земле; его жена и дети были вынуждены покинуть свой очаг или находились рядом с полем боя; его города, деревни, церкви превращались в руины. Если английские солдаты почти дружески называли своего немецкого противника «Джерри», то для француза он был ненавистным «бошем».

В самом деле, англосакс обычно психологически не подготовлен к войне по той простой причине, что он не способен к кому бы то ни было питать длительную и глубокую ненависть. Кельты же и романские народы личную ненависть передают своему потомству. Англосаксу чувство ненависти непонятно и ставит его в тупик. Пусть его дом уничтожен при бомбардировке, его жена и дети убиты, все самое дорогое для него уничтожено, но его ближайший сосед будет требовать гуманного обращения с врагом. Будучи сам жертвой, он не способен пылать жаждой мести. Эта поразительная особенность часто приводила критиков к выводу, что англичанин не обладает боевым духом в общепринятом значении этого термина: он упрям и бесстрашен, но уступает в огне и натиске.

Но тогда встает вопрос: что же такое боевой дух? Ибо если англичанин не обладает им, то как удастся ему поддерживать высокую репутацию отличного солдата? Народ, лишенный боевого духа, не может выигрывать войны в течение столетий.

Боевой дух — это реакция человека на страх. Перед лицом неизбежной беды один бежит прочь, другой сопротивляется с яростью дикого зверя, третий противопоставляет ей хладнокровную осмотрительность.

Кто осмелится утверждать, что боевой дух третьего ниже, чем второго? Боевой дух находит свое выражение в различных формах, зависящих от национального склада, обстоятельств и т. д. У кельтов он обычно выражается в злости, у англосаксов — в упрямстве. Англосакс не способен долго ненавидеть, но когда им овладевает непреклонная решимость, перед ним не может устоять ни один противник. В опасной обстановке он способен проявить неистовую ярость, которую нельзя преодолеть.

Большой недостаток англосакса состоит в том, что он не умеет абстрагироваться. Ему свойственно чувство юмора, но не остроумия. Он не может по-настоящему оценить философию, поскольку она имеет дело с неосвязаемыми категориями, которые ему непонятны. Он понимает только то, что видит и ощущает. Ребенок, сбитый автобусом в его деревне, значит для него гораздо больше, чем смерть полумиллиона женщин в Центральном Китае. Но это отнюдь не признак его бессердечности. Когда нищета приходит в его дом, он ощущает ее столь же остро, как и всякий другой человек, и чтобы избавиться от нее, он готов принести себя в жертву. Однако ему недостает воображения. Такова специфическая черта, переданная ему по наследству.

Характерная особенность англичанина состоит в том, что единственная форма борьбы, которую он понимает, заключается в испытании силы и выносливости в открытом бою. Он непригоден для такого вида боевых действий, когда требуется зарыться в землю и вести огонь по невидимому далекому противнику. Он предпочитает встречаться с противником в рукопашной схватке, когда бой становится для него личным делом. Англосакс — уверенный в себе солдат с высокой личной инициативой.

Немец, напротив, с давних пор главную ставку делает на огонь, и только на огонь. К штыку он относится как к оружию обороны, а не наступления. Штык, направленный на немца, повергает его в ужас и деморализует.

Рост могущества Германии в XIX столетии был достигнут гораздо больше, чем это может показаться, благодаря преимущественному развитию огнестрельного оружия. Это полностью соответствовало психологии армии, которая никогда не проявляла энтузиазма в наступлении, если боевой порядок не был линейным. Немцы исключали индивидуаль-

ный бой в форме рукопашной схватки, ибо в этом бою их превосходили очень многие.

По иронии судьбы оружие, находящееся сейчас в вооружении немецкой армии, требует тактических приемов, которые не соответствуют психологии немцев. Движение мятника изменилось в сторону приемов ведения боя, сходных со старым рукопашным боем. Небольшие группы солдат в бронированных машинах, называемых танками, штурмуют поле боя, чтобы войти в непосредственное соприкосновение с противником. С точки зрения немцев, этот метод хорош только в том случае, если создается ощутимое материальное превосходство. Но если наступает равенство сил, то непривычный для немцев метод ведения боя вызывает у них страх. Немцы никогда не славились высокими моральными качествами.

В Норвегии, Франции и на Крите английский солдат дал новое доказательство тому, что в ближнем бою он значительно превосходит немецкого солдата. Более того, он обескуражил своих критиков, сражаясь с такой яростью, которая в прошлом овладевала им очень редко. Появление новых методов ведения войны вызвало изменение тактики и вновь отдало врага во власть английского солдата.

Такова обстановка, которой наилучшим образом соответствует психология английского солдата. Опаснейшая ошибка заключалась в том, что этому огромному моральному превосходству придавали ничтожное значение, считая, что английский солдат способен противостоять своему противнику только при равных материальных условиях. Во Франции под массированными бомбовыми ударами пикирующих бомбардировщиков английский солдат часто шел на тапки с винтовкой и пистолетом, и только пулеметный огонь прижимал его к земле. Никто, кому известны его выдающиеся боевые достоинства, не может сомневаться в конечном исходе войны. Если английский солдат соответствующим образом вооружен и имеет опытное руководство, он ведет бой с исключительной энергией и решительностью.

Англичанин очень скромно в оценке своих боевых качеств. Это превосходно проиллюстрировал Андра Моруа, который приводит свой разговор с одним из офицеров наших военно-воздушных сил.

«Трудно ли уничтожить немецкий бомбардировщик? — спросил я как-то парня лет девятнадцати, который уже имел на своем счету несколько сбитых немецких самолетов.

— Трудно? — переспросил он. — Нет, нетрудно. Нужно только точно выполнять инструкции, полученные в летной

школе, а это значит — лететь за самолетом противника, не обращая внимания на его огонь, а когда до него останется метров триста, поймать его в маленький красный кружок, который видишь на переднем стекле фонаря. В этот момент, как учили меня в школе, необходимо нажать на гашетку. Тогда придут в действие все восемь пулеметов и немец будет сбит. Я всегда следовал инструкции. На расстоянии трехсот метров я брал противника на прицел, нажимал на гашетку и сбивал самолет. Вы видите, это совсем нетрудно».

Этого молодого офицера обучали инструкторы, знающие свое дело. Все искусство ведения воздушного боя было сведено к простейшей формуле: «Сблизиться с противником, тщательно прицелиться и задать ему трепку». Хорошее моральное состояние было результатом тщательного обучения. Летчик был совершенно уверен, что дело будет обстоять именно так, как говорили инструкторы.

Трудно? Нет, это совсем нетрудно.

В дополнение к таким материальным условиям, как вооружение и снаряжение, играющим большую роль в создании превосходящего боевого духа армии, существуют определенные психологические факторы, которые имеют еще большее значение.

К ним можно отнести следующие:

- 1) индивидуум должен верить в себя;
- 2) армия должна верить в свои силы;
- 3) армия должна верить в своего командира;
- 4) армия должна верить в свою страну;
- 5) армия должна верить в дело своей страны.

Во всех случаях, как это нетрудно заметить, необходимы вера, доверие, убежденность. Проанализируем перечисленные нами пункты.

1. Индивидуум должен верить в себя. Солдат должен быть не только обучен и вооружен не хуже своего противника — он должен испытывать моральное превосходство над ним. Он должен в большей степени обладать уверенностью в своих силах, чувством собственного достоинства, самоконтролем и личной дисциплиной. Необходимость этих качеств признана уставами. Эти качества он усваивает в результате умелой пропаганды высоких нравственных идеалов.

В этом заключается метод старого мудрого солдата лорда Бадепа-Пауэлла. Он чудесно преобразил души миллионов парней. Но чтобы этот метод дал хорошие результаты, необходимо вдохновенное руководство. Каждый солдат дол-

жен проникнуться твердой верой в то, что его личный вклад чрезвычайно важен для успеха общего дела.

2. Армия должна верить в свои силы. Еще недостаточно понято влияние пацифистской пропаганды, которая в течение двадцати лет непрерывно внушала англичанину, что солдат немногим лучше наемного убийцы и что война в любой форме — чудовищное зло для англичанина.

Это учение чрезвычайно ценно для врагов Англии, и они не замедлили воспользоваться им. Призыв, повторяющийся во всех уголках страны, может вызвать массовый интерес к пацифистским книгам, которые еще можно найти в наших публичных библиотеках. Хотя под напором самой истории пацифизм был решительно отвергнут, ранее нанесенный им вред еще не изжит.

Долг всех, кто отвечает за моральное состояние солдата, — знакомить его с историей замечательного боевого коллектива, к которому он принадлежит: с наиболее выдающимися актами самопожертвования, с безупречной преданностью стране и империи, с подвигами, заслужившими бессмертную славу. Эти примеры привлекают внимание людей несравненно больше, чем вся глупая и пустая болтовня о том, каким прекрасным был бы мир, если бы англичанин позволил всем остальным бить себя.

3. Армия должна верить в своего командира. Гендерсон придерживается того мнения, что «исход сражения решается в сердцах людей и главным образом в сердце командира».

Нет конца жертвам, которые приносят войска, если ими командует человек, которому они верят и которого уважают. Когда лорд Робертс прибыл в Южную Африку, чтобы принять командование войсками, потерпевшими ряд неудач от находчивого и решительного противника, солдаты радостно приветствовали его возгласами: «Бобз¹ и удача неразлучны!»

Вскоре изменилась и обстановка. Армия, проигрывавшая сражение за сражением, стала одерживать одну победу за другой. Под влиянием волшебного руководства Робертса моральное состояние английских войск настолько окрепло, что они преодолели трудности, которые при других условиях оказались бы непреодолимыми. Глубокая привязанность Робертса к своим солдатам вызвала ответную привязанность солдат. Все, что он требовал, выполнялось войсками беспрекословно.

¹ Бобз — уменьшительное от Робертс. — *Прим. ред.*

4. Армия должна верить в свою страну. Когда солдат переносит множество лишений и за несколько шиллингов в день подвергает опасности свою жизнь, он имеет право ждать, чтобы и все другие вносили свой вклад в общее дело. Его дело в такой же степени является делом остальных граждан. Однако солдату приходится читать и слышать о праздности, роскоши, беспутном образе жизни. Это вредно отражается на его моральном состоянии. Когда ему приходится сталкиваться с такими фактами, он невольно задает себе вопрос: «Стоит ли воевать за этих людей?» — и отвечает: «Нет».

5. Армия должна верить в дело своей страны. Моральное состояние солдата будет поддерживаться на высоком уровне лишь в том случае, если он ясно понимает, что воюет за дело всей страны и в случае поражения пострадает вместе с ней.

Современная война — это конфликт между добром и злом, и английский солдат должен считать себя инструментом божьей справедливости. С врагом он может разговаривать только так, как на рассвете говорит палач с осужденным на казнь преступником.

Глава десятая

ИДЕАЛЫ

При умелом руководстве коллектив представляет собой нечто большее, чем сумма его членов, и, наоборот, при неумелом руководстве — нечто меньшее.

В книге «Коллективный ум» Макдоугалл говорит: «Хорошо известно, что когда люди думают, чувствуют и действуют совместно, процесс мышления и поведение отдельного человека из определенного коллектива во многом отличаются от процесса его мышления и поведения, если он сталкивается с такой же обстановкой один, самостоятельно. Следовательно, мы можем знать каждого в отдельности человека какого-либо коллектива настолько близко, что будем в состоянии с уверенностью предсказать его действия в определенных обстоятельствах и тем не менее не сможем предсказать поведение всего коллектива в целом, зная только его отдельных членов».

Каждый коллектив обладает определенными резко выраженными положительными и отрицательными свойствами, неотделимыми от его психологии. Возьмем сначала от-

рицательные свойства. Наиболее серьезное из них — низкая степень умственных способностей, обычно проявляемая коллективом. Здравомыслящие люди, образующие какой-либо комитет или совет, часто приходят к решениям, до абсурда непрактичным или чудовищно несправедливым. Если беспристрастный наблюдатель, ничего не знающий о групповой психологии, подумает, что все члены этого комитета — умственно отсталые люди, его можно простить. Причина таких необычных решений кроется в том, что в коллективе наименее развитые умы снижают до своего уровня умственные способности всего коллектива.

Далее, человек, поступающий на службу в армию, обычно приносит с собой высокие идеалы в отношении половой нравственности, религии, умеренности, честности и т. д. В некоторых случаях эти идеалы вскоре выбрасываются за борт, и человек не делает никаких усилий, чтобы выполнить то, что он прежде считал своим нравственным долгом. Он начинает сквернословить, как самый развращенный солдат своего подразделения. Он не видит вреда в половой безнравственности, с готовностью прибегает ко лжи, чтобы спасти себя от лишнего наряда или наказания, а оставшись один на складе, ведет себя, как настоящий вор. Более того, в каждом случае он защищает свое поведение со страстностью, которая привела бы в ужас его штатских друзей.

Обычно в этих метаморфозах обвиняют армию. Но армия здесь виновата не больше, чем она виновата в том, что человек заражается гриппом во время эпидемии. Солдат становится жертвой воздействия коллектива, а коллектив существует не только в армии. Хорошо известно, что в мирное время нравы одного воинского гарнизона отличаются от нравов другого. Известно также и то, что в гражданской, как говорят солдаты, жизни нравы одной фабрики не похожи на нравы другой. На одной считается нормальным воровать инструменты или говорить неправду о своей выработке. На других, где рядом с мужчинами работают женщины, часто ведутся разговоры, которые могут смутить даже кадрового солдата, всю жизнь до некоторой степени изолированного от женского общества. В любом коллективе наиболее развращенные индивидуумы стремятся снизить общую нравственность до уровня своей.

Отрицательным свойством коллектива является также подверженность панике. В каждой армии дезертирство с фронта карается смертной казнью, так как общепризнано, что один трус способен обратить в паническое бегство целую армию своих товарищей. В определенной обстановке

мужество коллектива может быть несравненно ниже мужества его отдельных, самых заурядных членов.

Что касается положительных свойств организованного коллектива, то они не менее поразительны. Бывают случаи, когда коллектив, движимый общей целью, выполняет задачу с негнбаемой решимостью и невероятной храбростью, не доступной ни одному из его членов в отдельности. То, что может быть названо импульсом хорошо дисциплинированного коллектива, бесконечно выше импульса отдельных его членов.

Эти положительные и отрицательные свойства коллектива говорят о необходимости умелого руководства им. Правда, ум коллектива ниже ума его членов. Но руководитель не основывается на уме коллектива в целом, зато иногда он советуется с одним или двумя из своих подчиненных. Все решения являются его собственными решениями, хотя справедливо предположить, что они подсказаны наиболее развитым и умным военнослужащим данного подразделения.

Одна из важнейших целей руководства — развитие и использование коллективного разума так, чтобы коллектив мог работать с максимальной эффективностью. В армии коллективный разум обычно развивается через соперничество отдельных подразделений в играх, боевой подготовке и т. д. Значение этого соперничества в том, что оно связывает солдат подразделения, развивает в них чувство общей цели. Коллектив, в котором развито это чувство, всегда будет более эффективным, чем тот, в котором оно не развито.

Ценные результаты такого соперничества можно проиллюстрировать на примере, взятом наугад из английской военной истории. Во время восстания в Индии перед сэром Колином Кэмпбеллом встала задача вернуть расположенную на полпути между Дели и Аллахабадом деревню, в которой сосредоточилось более пяти тысяч повстанцев. Ирландский полк испытывал некоторую зависть к шотландскому, так как последний пользовался особой симпатией сэра Колина и, следовательно, получал опасные, почетные задания. Перед началом наступления на деревню, когда противник поливал войска сильным огнем, ирландцы, решив быть на высоте положения, не дожидаясь приказа, устремились вперед и очистили деревню от противника. Сэр Колин был взбешен. Он примчался в полк и начал строго отчитывать ирландцев. Но все было напрасно. Каждое его замечание тонуло в крике: «Ура главнокомандующему, ребята!» — и это продолжалось до тех пор,

пока злость Колина не растаяла. И он в отличном настроении, смеясь, покинул ирландцев.

Дисциплина, возможно, оставляла желать лучшего, но боевой дух, вызванный соперничеством, был выше всяких похвал. Если же подразделение (часть) обладает и дисциплиной, и высоким боевым духом, эффект становится неотразимым. Именно такого эффекта и должен добиваться военачальник.

Моральный дух подразделения и части можно поднять до высокого уровня только тогда, когда солдаты вдохновляются высокими и бескорыстными идеалами. Если же они лишены идеалов, их моральный дух будет ниже, чем моральный дух отдельных индивидуумов, а в результате будет страдать вся армия.

Оливер Кромвель лучше других военачальников понимал, что солдаты, вдохновляемые бескорыстными идеалами, сражаются с большим энтузиазмом, чем те, у которых нет таких идеалов. В битве при Эджхилле он понял, что победа достигается быстрым и решительным наступлением и что наступление является лучшей формой обороны. Эта битва вызвала у него мысли о магическом качестве, называемом боевым духом войск. Но как воспитать этот боевой дух?

Однажды Кромвель сказал Хемпдену: «Большинство твоих кавалеристов — старые разложившиеся служаки, за всегдатаи кабаков, а их кавалеристы — настоящие джентльмены, достойные молодые люди. Ты думаешь, дух этих худалых солдатишек может противостоять духу джентльменов, благородных, храбрых, решительных? Ты должен найти людей столь же вдохновенных, как те джентльмены. Иначе тебя всегда будут бить».

Битва при Эджхилле убедила Кромвеля, что прежде всего следует ввести новую систему рекрутского набора и набирать «таких солдат, которые боятся бога и хоть немного сознают то, что они делают».

В наше время, время массовых народных армий, вряд ли возможно, чтобы войска были одержимы пламенным боевым духом, если этот дух не разделяется всей нацией. Ушли в прошлое дни, когда было возможно отделить моральный дух армии от морального духа нации. Если моральное состояние нации подорвано, падает и уровень боевого духа армии. И наоборот, даже в XX веке, с его дальнобойным оружием массового поражения, армия может сражаться с таким пылом, что ее невозможно победить. Самое

мощное оружие армии — ее идеалы, но этот вид оружия, как и все другие, должен быть выкован нацией.

Какая цель сплачивает народы Британской империи в настоящем конфликте со странами оси? Ответ простой — разгром этих стран. Но каждый мыслящий человек понимает, что такая цель сама по себе слишком прозаична. Каждый немец страстно верит, что он сражается за свое существование и за существование всех, кто ему близок и дорог. Много лет ему твердили, что враги собираются окружить и задушить его страну, покончить с ней раз и навсегда, поэтому немец борется за свою жизнь с безумием и яростью утопающего.

Но за безумием и яростью утопающего скрывается безграничное отчаяние. Наибольшими трудностями стран оси являются, несомненно, трудности моральные. При победах отчаяние не обнаруживается: утопающему кажется, что его все ближе и ближе прибывает к берегу. Но как только кончается победоносное движение, неизбежно следует упадок морального духа. Законы психологии так же точны, как любые другие.

Высокие боевые качества имперских войск должны быть подкреплены способной вдохновить их общей целью. Сущестующая цель слишком прозаична и психологически не может быть сравнима с целью немецкой армии. С этой точки зрения англичанин находится в невыгодном положении, так как он психологически не способен представить себе свое поражение. Немец, наоборот, представляет себе свое поражение, так как у него свежо в памяти недавнее прошлое, которое было настолько тяжелым, что до сих пор подогревает в нем стремление к реваншу.

Столкнувшись с необходимостью найти для своей армии общую цель, которая бы заставила солдат стоять насмерть, Оливер Кромвель пришел к убеждению, что наиболее вдохновляющей общей целью армии может быть сознание того, что она является божественным инструментом и призвана творить суд божий. Ибо какая человеческая сила может противостоять божественной? Любая армия, вдохновляемая такой целью, должна неизбежно победить.

Оливер Кромвель предвосхитил Наполеона I, который осторожно заявил: «Духовная сила относится к физической, как три к одному». Но если бы Наполеон никогда не сказал этого, у нас была бы магическая формула Кромвеля: божественная сила относится к физической, как бескопечность к одному. Жизнь подтвердила эту формулу.

Часть II

ПСИХОЛОГИЯ И РУКОВОДСТВО

Армия оленей, руководимая львом, сильнее армии львов, руководимой оленем.

Солдатский катехизис, 1644 год

Глава одиннадцатая

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ

Руководство — это искусство обращения с людьми, точнее говоря, это искусство так влиять на людей с помощью убеждения и личного примера, чтобы они неуклонно действовали в определенном направлении. Руководство никогда не нужно смешивать с принуждением. Под этим словом подразумевается искусство заставлять людей с помощью запугивания или силы действовать в определенном направлении. Человеку, который надеется до конца использовать силы своих подчиненных, «вселив в них страх божий», не следует развязывать руки. Не его дело руководить людьми. Очень важно, чтобы подчиненные верили не только в своего руководителя, но и в себя, так как вера в себя имеет большое значение для морального состояния войск. По настоящему велик тот руководитель, который личным примером вселяет в подчиненных такую веру в себя, что они готовы быстро, тщательно и с радостью выполнять любые обязанности, возложенные на них или взятые ими на себя по собственной инициативе.

Жизнь армии богаче примерами, иллюстрирующими значение руководства, чем жизнь любого другого коллектива. Главнокомандующий может быть человеком выдающихся умственных способностей, он может детально разработать отличный план кампании, но его осуществление в день сражения определяется только боевым духом войск. Еще не было изобретено такого оружия, не было составлено такого плана обороны, которые смогли бы сломить боевой дух армии, имеющей хорошее руководство. В наше время, время массовых армий и длительной борьбы, моральное состояние войск зависит не от генералов, а от капралов, сержантов, младших офицеров, капитанов, майоров и полков-

ников. Именно эти командиры отражают способности своего главнокомандующего, а для этого они должны владеть искусством руководства. Более того, ни одна хорошо организованная армия не может обойтись без инициативы подчиненных командиров — их инициатива является решающим фактором в современной войне.

Однажды сержант-ветеран армии великого Наполеона сказал молодому солдату: «Парень, сюда прибыл император». Молодой солдат спросил: «Откуда ты знаешь? Я был в штабе генерала и ничего не видел и не слышал». Сержант ответил: «Я знаю, что он должен быть здесь. Разве ты не видишь, что весь мир пришел в движение? Посмотри, как мчатся по дороге курьеры. Все движется. Наши враги и без очков увидят, что император с нами. Скоро они убедятся в этом». Сержант-ветеран оказался прав — он знал императора. Наполеон был человеком действия, и эта черта императора отражалась на его подчиненных.

Хороший руководитель должен быть в полном согласии с группой людей, которой он руководит. Он должен жить с нею одной жизнью и все же быть впереди нее. Чтобы жить с нею, он должен обладать характером и индивидуальностью, а чтобы быть впереди нее, он должен обладать этими чертами в исключительной степени.

«Характер» и «индивидуальность» часто считают синонимами, но это не синонимы.

Известный американский психиатр доктор Генри Линк установил различие между этими понятиями, определив, что человек, обладающий характером, должен иметь следующие достоинства: трудолюбие, сознательность, честность, верность своему слову и постоянство в своих привычках. В то же время он может быть скучным, необщительным, мрачным, совершенно лишенным того, что мы называем ярко выраженной индивидуальностью. «Индивидуальность, — говорит доктор Линк, — это степень превращения человеком своих способностей и энергии в привычки и действия, с помощью которых он влияет на других людей».

Это определение настолько важно, что его стоит повторить.

Индивидуальность — это степень превращения человеком своих способностей и энергии в привычки и действия, с помощью которых он влияет на других людей.

При прочих равных условиях человек средних умственных способностей, умеющий играть на пианино или управ-

лить автомашиной, в потенции обладает большей индивидуальностью, чем человек, не умеющий делать ни того, ни другого. «Индивидуальность — это следствие мастерства как в работе, так и в игре, которое дает человеку силу привлекательности и влияния на других». Если человек научился хотя бы удерживать бутылку на кончике носа, и то он уже увеличил свою индивидуальность.

«Выдающаяся индивидуальность, — говорит доктор Линк, — требует не только разнообразного мастерства, но относительного превосходства в нескольких областях и неоспоримого превосходства в одной. Основное превосходство должно быть в профессии, а относительные — в спорте, избранном занятии, общих познаниях».

Другими словами, руководитель, во-первых, должен хорошо знать свое дело, во-вторых, быть специалистом в какой-либо отрасли и, в-третьих, обладать достаточно гибким умом и обширными знаниями, чтобы интересно рассказывать о том, что непосредственно не относится к его работе.

Иногда мы называем человека неполноценным. Если вы не владеете психологической терминологией, вы обычно понимаете это так, что данному человеку не хватает индивидуальности, потому что он не сумел развить в себе привычки, содействующие успеху. Человек пользуется успехом не потому, что обладает индивидуальностью, а наоборот, он обладает индивидуальностью потому, что пользуется успехом.

Человек, обладающий характером без индивидуальности, будет думать только о себе. Выражаясь словами известного циника, он «эгоист, у которого нет своего Я». Он может быть трудолюбивым, честным, воздержанным, религиозным, но очень скучным, эгоистичным, не пользующимся любовью окружающих. Этот довольно распространенный тип людей вызывает постоянные затруднения у христианской церкви и злорадство у ее критиков.

Именно индивидуальность дает человеку возможность думать о других людях. Если человек не может смотреть на вещи с точки зрения других, он никогда не станет умелым руководителем. Руководство — это образ жизни. Человек, стремящийся быть руководителем, должен изменить свои взгляды и привычки. Его внимание должно быть сосредоточено не на самом себе, а на других. Эгоистичность должна уступить место самоотверженности. Некоторые положения будут несколько раз повторены в этой книге, и одно из них: руководство — это образ жизни.

«Человек, которого не трогают беды товарищей, прояв-

ляет по отношению к другим величайшую несправедливость. Именно индивидуалисты бывают виновниками всех человеческих неудач» — таково заключение покойного доктора Альфреда Адлера, который внимательно изучал причины человеческих неудач и умственной нищеты. Человек, обладающий индивидуальностью, интересуется своими товарищами, и чем больше этот интерес, тем больше надежд на то, что он станет опытным и умелым руководителем.

История убеждает, что великими руководителями не рождаются, а становятся. Руководство — это не исключительное право одного класса. Нельсон, Наполеон, Кромвель, Веллингтон, Роберт Ли, Стоунуолл Джексон — был ли кто-нибудь из них врожденным руководителем?

Они были великими руководителями, потому что в совершенстве знали свое дело. Они имели хорошее профессиональное образование и обладали уверенностью, которая вырастает из умения. Свое высокое профессиональное искусство и разносторонние познания они соединяли с глубоким личным вниманием к своим подчиненным. Они понимали, что людьми можно руководить только тогда, когда они желают быть руководимыми, и эти полководцы не жалели сил, чтобы вызвать у своих солдат это желание.

Глава двенадцатая

ХАРАКТЕР И ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

Индивидуальность приходит к человеку как вознаграждение за успех. Индивидуальность может быть не связана с характером — в действительности очень часто бывает именно так. Однако справедливее было бы сказать, что характер руководителя является фундаментом его индивидуальности. Индивидуальность, основанная не на характере, никогда не сможет вести людей, а тем более вдохновлять их.

Человек, у которого сто процентов характера и только пятьдесят процентов ума, более одарен, чем тот, у которого сто процентов ума и пятьдесят процентов характера. Неправильно давать оценку способностям человека по уровню его умственного развития. Бóльший ум — это отнюдь не гарантия успеха. Как сказал по этому поводу один психолог, «в обыденной жизни практическая сметка в десять раз ценнее абстрактного ума. Абстрактный мыслитель знает, что делать, зато сметливый человек знает, как сделать».

Очень часто, например, человек высоких умственных

способностей не в состоянии руководить людьми, ибо ему не хватает простого здравого смысла. Нередко он даже сам нуждается в руководстве. И наоборот, человек меньших умственных способностей может обладать качествами руководителя и достигать успеха там, где первый терпит неудачу.

Характер — это способность смотреть фактам в лицо. Он немислим без самодисциплины. Человек, который не умеет держать себя в руках, не сможет руководить другими. «Я не могу» — эти слова должны быть вычеркнуты из лексикона каждого, кто стремится стать преуспевающим руководителем. «Я не могу запоминать лица», «мне трудно подниматься по утрам с постели», «я знаю, что курю слишком много, не могу курить меньше» — человеку, который позволяет себе подобного рода «не могу», лучше оставить всякую мысль о руководстве.

Стэнли Расселл пишет: «Однажды, более ста лет назад, на улицах Портсмута появился однорукий, одноглазый моряк. Он страдал повышенной нервной возбудимостью и не мог ступить на палубу корабля, не почувствовав тошноты. Будь имя этого человека не Горацій Нельсон, он, вероятно, давно уже был бы в доме страдающих неизлечимыми болезнями. Но телом этого человека руководил его дух». Воспитать в себе такой дух может каждый, кто не пожалеет труда для этого благородного дела.

Высокие умственные способности и ярко выраженная индивидуальность не нужны руководителю, если из-за его характера даже лучшие подчиненные питают к нему инстинктивное отвращение. Если он неводержан и ленив, лжив и вспыльчив, неискренен и несправедлив, хотя бы по отношению к одному из своих подчиненных, влияние его индивидуальности и его умственных способностей будет ничтожным. Руководитель, не обладающий постоянством характера, иногда может приобрести определенную популярность среди подонков общества, к низменным инстинктам которых он апеллирует, но он никогда не завоеует доверия и уважения большинства тех скромных и надежных людей, от которых в конце концов зависит быстрое и умелое исполнение его приказов.

Руководитель должен быть впереди своих подчиненных. Он не сможет руководить, отстав от них или находясь на одном с ними уровне. Он может кричать и размахивать руками, но крики и жесты редко производят впечатление. Руководитель должен быть признан теми людьми, которыми ему предстоит руководить, как самый способный человек коллектива. Только тогда подчиненные охотно, с закрыты-

ми глазами последуют за ним. Быть способным еще недостаточно — индивидуальность руководителя должна вселять веру в его способности.

Часто спрашивают: можно ли развить индивидуальность? Если индивидуальность — вознаграждение за успех, для ее развития нет границ. Успеха в той или иной форме можно достигать ежедневно. Например, человек мог бы достичь успеха в игре на скрипке и тем самым развить свою индивидуальность. Но если у него нет музыкального дарования, то он принесет больше пользы и себе и другим, если будет колоть дрова. Благоразумнее и экономнее сначала выявить дарования, а затем развивать их. Если у человека есть способность к языкам, ему, конечно, следует изучать языки. Но сначала он должен спросить себя: Как я смогу использовать новые знания? Как мне сделать их частью своей жизни? Человек не имеет права терять время на пустяки, если он еще не знает всего того, что должен знать о деле, которое приносит ему средства к существованию.

Преуспевающий руководитель — это человек, который умеет первым видеть главное в жизни. Но никто не может стать великим или даже просто хорошим руководителем только с помощью знаний. Необходимо обладать смелостью, уверенностью в себе, хладнокровием в минуту опасности. Образование не дает этих качеств, но их можно воспитать. Определенную ценность для развития способностей человека к руководству имеют спортивные игры, являющиеся одновременно и средством отдыха. Нельзя укрепить тело не закаляя воли. Воспитывая в человеке хладнокровие, смелость, уверенность, спортивные игры в то же время на практике учат, что совместные усилия команды несравненно эффективнее изолированных усилий индивидуумов. Кроме того, если человек обучается езде на лошади, игре в крикет, футбол, гольф или бридж, ловле рыбы или стрельбе, влияние его индивидуальности определенно увеличивается, так как он приобретает возможность оказывать влияние на больший круг людей, чем прежде. Новые знания увеличивают круг его способностей. Так как физический и умственный отдых необходим в напряженных условиях современной жизни, то лучшей формой отдыха будет увлечение каким-нибудь видом спорта.

В книге «Полководческое искусство, его болезни и их лечение» генерал-майор Дж. Ф. Фуллер яростно и справедливо нападает на тех «воспитанников крикета», которые проповедуют «удобную теорию о том, что развлечение — лучший путь к тому, чтобы стать солдатом». Разумеется,

отличный спортсмен вовсе не обязательно обладает качествами, необходимыми руководителю. Можно быть спортсменом мирового класса и в то же время глупым человеком. Но такие случаи — исключение. Обычно спортивные и умственные способности совмещаются.

Следует подчеркнуть, однако, следующих три обстоятельства: 1) многие великие руководители не имели склонности к спорту; 2) ни в коем случае спорт нельзя ставить выше работы и служебного долга; 3) человека, не имеющего склонности к спорту, — у которого, как говорится, две левые руки или две левые ноги, — никогда не следует принуждать к нему. Неудачи в игре будут отрицательно сказываться на его индивидуальности.

Говоря о значении религии для руководства, можно простить циника, если он спросит, целесообразно ли анализировать качества руководителя на уровне брошюр для воскресных школ. Однако не нужно избегать правды из-за боязни нанести кому-либо обиду. Нельзя отрицать, что религия может сыграть большую роль в подготовке руководителя. Число набожных людей среди старших офицеров всех трех видов вооруженных сил очень внушительно. По этому вопросу лучше всего предоставить слово офицеру. В книге «Разговор о руководстве», знакомой каждому кадровому офицеру-артиллеристу, Басилиск пишет:

«Хотя дух, подогреваемый огнем религии, как будто не имеет существенного значения в подготовке выдающихся руководителей, почти все наши видные руководители были чрезвычайно набожными людьми. Если это совпадение, то слишком уж поразительное. От Черного принца, Генриха V и Кромвеля, Мальборо и Нельсона, Джона Никольсона, Аутрэма, Лоуренса и Хэйвлока до лордов Уолсли и Робертса, сэра Эвелина Вуда и Китченера — мы видим ту же картину. Наши американские братья то же самое говорят о своих великих национальных руководителях. Джордж Вашингтон, Стоунуолл Джексон и Роберт Ли были религиозны. Солдаты уважают офицеров, которые, не подчеркивая своей религиозности, в то же время не пытаются скрыть ее или отказаться от нее. При прочих равных условиях религиозный офицер является лучшим руководителем».

Богобоязненный руководитель привносит в свою работу нечто такое, чем не обладают другие. Он привносит веру, и уже одно это имеет неоценимое значение, ибо вера творит чудеса. Военная наука утверждала, что Вульффу не захватить Квебека. Вера предсказывала иное, и она оказалась права. В полной тишине, глубокой ночью войска взо-

брались по лестницам на крутую обрывистую скалу. Гора не устояла перед верой.

Руководитель должен верить и повторять себе: я добьюсь успеха. Только тот может стать миллионером, кто, чтобы добыть шесть пенсов, не поленится приложить больше труда, чем обычный человек, чтобы добыть фунт стерлингов. Спросите любого преуспевающего человека, в чем он видит секрет успеха, и он ответит вам: «Если вы начали дело, не останавливайтесь на полдороге. Упорно продолжайте работать, пока не достигнете намеченной цели. Закончив, начните что-нибудь другое. Никогда не миритесь с поражением».

Выдающимся руководителем становится человек, который больше трудится для того, чтобы руководить одним индивидуумом, чем обычный человек для того, чтобы руководить целой армией. Если человек не умеет хорошо руководить одним человеком, он никогда не сможет руководить коллективом.

Глава тринадцатая

АВТОРИТЕТ

Качества руководителя частично врожденные, частично приобретенные. Нельзя отрицать, что одни люди лучше других умеют добиваться повиновения. Каждый великий руководитель, как каждый гений, обладает магическим качеством, не поддающимся ни определению, ни анализу. В какой степени это качество является врожденным и в какой приобретенным, трудно сказать; наиболее вероятно, что оно не только врожденное и не только приобретенное. Оно не является также привилегией какого-нибудь одного класса. Законы биологии и психологии одинаковы для всех.

В книге «Моральное состояние войск и его враги» Хоркинг указывает, что «взаимосвязь между начальником и подчиненным не исчерпывается взаимоотношениями между двумя индивидуумами. Здесь всегда присутствует третья, невидимая сторона: власть государства и армии». Теоретически это верно, но на практике не имеет большого значения. Каждый, кто имеет опыт командования в вооруженных силах, хорошо знает, что индивидуальность имеет большую силу, чем свод военных законов. Между властью военного офицера и гражданского чиновника очень большая разница. Деревенский полицейский приказывает доктору не ездить слишком быстро. Доктор подчиняется. За поли-

цейским стоит власть третьей стороны — государства, простым инструментом которого он является. В другом случае доктор в качестве официального лица органов здравоохранения приказывает деревенскому полицейскому проследить за канализацией. Теперь повинуются полицейский. Отдавая приказание, доктор является инструментом той же невидимой власти, которая поддерживала полицейского. В каждом случае настоящая власть принадлежала этой третьей стороне, так как она одна имеет полномочия приказывать и добиваться повиновения.

Когда вновь назначенный капрал впервые подает команду «Становись!», он опирается на целую иерархию начальников, включающую старшину, командира роты, командира полка, главнокомандующего, высший военный совет и обе палаты парламента. Но для капрала мало утешения от сознания того, что за ним выстроился этот внушительный ряд начальников. Все равно голос его звучит слабо, а колени дрожат. Он такой же инструмент государства, как полицейский и доктор. Но, кроме того, он одновременно и руководитель своего подразделения. Он сознает, что основную роль играет его индивидуальность, так как даже манера отдачи приказа определяет то, как это приказание будет встречено.

И это еще не все. Он должен подумать, как будут действовать его подчиненные, оказавшись за пределами досягаемости его команды. Именно в этом и заключается решающее испытание руководителя. Его положение начальника — не случайное или временное событие, а надолго установленные взаимоотношения между ним и группой солдат. Когда его приказы выполняются незнакомыми солдатами, не принадлежащими к его подразделению, тогда это действительно армия, обладающая высокой дисциплиной. Но в своем подразделении его положение начальника основывается только на его индивидуальности. Его назначают не для того, чтобы он силой насаждал повиновение, а для того, чтобы он убедил солдат в необходимости повиноваться.

В армии командование невозможно отделить от руководства. Каждого офицера или сержанта, который сделает попытку опереться только на авторитет армии, нужно немедленно одернуть и сказать ему: надейся только на себя. Нет божественного права для руководителей. Если они назначаются, а не выбираются, то во всяком случае они должны получить общее признание и поддержку. Иначе они никогда не будут подлинными руководителями.

В каждой армии признается важность руководства, а в

организации его важную роль играет система воинских званий. Все делается для того, чтобы руководитель каждой ступени имел по возможности больший авторитет: нашивки, знаки различия, отдание чести, отдельные клубы-столовые, петлицы, медные каски и т. д. Но хотя тут можно сделать еще многое, вся эта организация будет иметь ничтожную ценность, если руководители будут лишены тех качеств, которые только и делают их руководителями.

Руководитель должен завоевать свой авторитет в дополнение к тому авторитету, которым он пользуется благодаря своему званию и должности. Более того, его авторитет должен соответствовать определенным требованиям. В глазах одних авторитетом пользуется человек, умеющий управлять тремя марками автомобилей, в глазах других — тот, который может пить даже тогда, когда все его собутыльники уже под столом. Человек может пользоваться славой отличного наездника или превосходного спортсмена. Но это все не тот авторитет, который внушает веру в человека как руководителя. Руководителю необходим скорее моральный, чем физический или интеллектуальный авторитет. Подчиненные хотят, чтобы руководитель обладал сильным характером, помогающим ему в любых условиях принимать правильные решения. Они должны чувствовать, что на него всегда можно положиться.

Это, конечно, не значит, что физический или интеллектуальный авторитет не важен. На самом деле авторитет, как физический, так и интеллектуальный, имеет большое значение. Руководитель не должен забывать даже о своей внешности. Если он мал ростом, пусть его поддерживает сознание того, что многие выдающиеся полководцы, в том числе Наполеон и Робертс, были небольшого роста и все же умели подчинять себе других. Следует только старательно восполнять все физические недостатки приобретаемыми достоинствами. Каждый руководитель должен стремиться быть не только мастером своего дела, но и человеком разносторонних познаний и широкого кругозора. Его долг — всегда быть жизнерадостным и подтянутым. Если по характеру он робок и застенчив, ему следует заставлять себя всесторонне заботиться о благополучии своих подчиненных. Если же он излишне самоуверен, то разумно воспитывать в себе такое ценное качество, как скромность.

Многие полагают, что самые хорошие руководители обычно выходят из самоуверенных людей. Это опасное заблуждение. Конечно, самоуверенный человек может многое сделать, пока он всему уделяет непосредственное внимание.

На умея управлять людьми, он редко может вдохновить их. Он не в состоянии внушить своим подчиненным желание оказать ему те важные услуги, которые они охотно, часто даже по собственной инициативе, оказывают любимому командиру. Хороший руководитель добивается выполнения подчиненными задачи с максимальным энтузиазмом и наименьшей затратой сил, а самоуверенный, наоборот, — с минимальным энтузиазмом и максимальной затратой сил. Самоуверенный командир перефразирует известный афоризм Наполеона следующим образом: «Физическая сила относится к духовной, как три к одному», а это никуда не годный расчет.

Руководитель обязан быть частью своего коллектива и жить с ним одной жизнью. Он должен быть знающим, искренним и скрупулезно справедливым, отважным, терпеливым и великодушным. Его долг — понимать как точку зрения своих подчиненных, так и точку зрения своих начальников. Когда ко всем этим качествам добавится боевой опыт, военачальник получит право скромно, но уверенно заявить: «Я тоже человек, облеченный властью и имеющий в подчинении солдат. Я говорю одному: «Иди» — и он идет, говорю другому: «Подойди» — и он подходит».

Человек, не обладающий ораторскими способностями, никогда не станет выдающимся руководителем, так как главным образом с помощью речи человек выражает свою индивидуальность. «Среди многих форм психологического воздействия ни одно не кажется таким важным, как ораторское искусство — умение объяснить, чего вы хотите, умение вселить вашу энергию в ваших слушателей и вызвать у них энтузиазм». Чьи это слова? Известного государственного деятеля? Преподавателя словесности? Кинорежиссера из Голливуда? Нет, это сказал генерал сэра Джордж Макманн, служивший в Индии. Он не только видный историк и заслуженный писатель — лучшую часть своей жизни Макманн провел, командуя кадровыми солдатами — индийцами и европейцами. Он знает о чем говорит.

Руководить дано человеку, который умеет говорить. Политический деятель поднимается до уровня министра не потому, что он силен и молчалив, а потому, что речь его вселяет уверенность и возбуждает энтузиазм. Лидер тред-юниона поднимается выше своих товарищей по работе не потому, что он более искусный слесарь или плотник, а потому, что он знает, как с помощью речи выражать свою индивидуальность. Люди любой профессии инстинктивно идут за человеком, который умеет говорить связно и убедительно.

Повторим ранее сказанное: руководство — это искусство так влиять на людей с помощью убеждения и личного примера, чтобы они неуклонно действовали в определенном направлении. А убедить людей можно только с помощью речи.

Человек, никогда не тренировавший свою речь, обычно считает ораторское искусство даром, которым обладают немногие избранные. Это заблуждение. Простой человек так же легко может стать искусным оратором, как и квалифицированным шофером. Учиться разговаривать с товарищами — один из самых верных путей для всех, кто желает развивать свою индивидуальность. В речи нет ничего магического, кроме ее эффекта. Способность говорить убедительно военачальнику необходима не меньше, чем любому другому руководителю.

Постоянная практика и применение немногих простых правил увеличивают действенность речи. Изучать эти правила лучше всего на примерах. Об этом методе мы и поговорим в следующей главе.

Глава четырнадцатая ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И РЕЧЬ

Беспокойно теребя пальцами свое снаряжение, лейтенант Хейверсэк усталый мутный взор куда-то вдаль, поверх голов солдат выстроившегося перед ним взвода, и начал: «Э... я хочу... кх... Я хочу... э... на минуточку... э... запясть ваше внимание. (Бросает свой планшет и снова берет его.) У... наш взвод, седьмой взвод... э... брошен командиром батальона на выполнение довольно трудной задачи. (Начинает вертеть в руках компас.) Гм... таким образом... э... проклятый немец установил... э... два, как это называется... ну, в общем, сторожевых поста... там, на склоне холма. (Вытирает нос.) Гм... нам нужно... э... во всяком случае, нужно постараться захватить один из них... а... э... восьмой взвод будет, как бы это сказать... расправляться с другим. (Чешет левый глаз.) Поэтому постарайтесь, значит, взять себя в руки. (Чешет правый глаз.) Стойте спокойно, Джонс, вы в строю. Запишите, сержант: «Джонс шевелится в строю». Итак, мы все должны, некоторым образом, сделать все, что в наших силах... если вы поняли, что я имел в виду. Мне кажется, я сказал все».

В ста шагах от этого взвода стоял подтянутый, уверенный в себе лейтенант Таннерболт. Он смотрел прямо в глаза своим солдатам. «Солдаты, — начал он, — командир

батальона избрал нас для выполнения веселой работы. Там, на склоне холма, противник установил два сторожевых поста. Если сразу не выбить его оттуда, он причинит нам много неприятностей. Мы берем на себя один из постов! Седьмой взвод позаботится о другом. Вы знаете, как это делать, ведь мы много раз тренировались. Капрал Снифкинс со своим отделением забросает солдат противника гранатами. Рядовой Малвани со своей группой задаст им работу своим пулеметом. Остальные отрежут отход. Ни один человек не должен ускользнуть. Итак, зададим им трепку и вышибем из них дух. Готовы, ребята? Ну и прекрасно! Молодцы, блэнкширцы! Пошли».

Один из этих взводов успешно справился с задачей, а другой не выполнил ее. Какой взвод достиг успеха? Какой потерпел неудачу? За правильный ответ не нужно назначать премию.

Когда Хейверсэк и Тандерболт уходили из штаба батальона, перед ними была одна и та же цель — сообщить солдатам о поставленной им задаче. Не следует ожидать, что любого солдата может воодушевить любое задание. Захват постов — очень опасное дело, и те, кто участвует в нем, могут получить ранение, а то и погибнуть. Инстинкт самосохранения очень силен, и бесполезно делать вид, что он не существует. Подход Хейверсэка был неправильным с самого начала.

Он не сумел посмотреть на предстоящее дело с точки зрения солдат.

Тандерболт, наоборот, начал правильно. Его боевое задание совпадало с задачей Хейверсэка, но он нашел подход к сердцу своих солдат, приказав им вышибить дух из противника. Против этого восьмой взвод ничего не мог возразить: вышибить из противника дух куда приятнее, чем самим испустить дух. Солдаты были польщены вниманием командира батальона. «Он, — размышляли солдаты, — знал что делал, когда выбирал восьмой взвод». Их гордость была польщена. Они готовы были сделать все, что от них потребуется.

Метод Хейверсэка не внушал солдатам уверенности. Судя по его беспокойным рукам, он не владел собой, а судя по его путаной речи, он смутно представлял обстановку, хотя на самом деле он мог знать ее даже лучше Тандерболта. К тому же он избегал смотреть солдатам в глаза. Не было похоже, что он выработал какой-то план решения задачи. Кроме того, он придирался к солдатам в тот момент, когда нужно было мобилизовать всю их преданность и бое-

вой дух. Он создал у них впечатление, что захват постов может не удался, и таким образом внушил им самые худшие опасения. Разве при таких обстоятельствах седьмой взвод мог успешно выполнить задание?

Тандерболт сумел воодушевить солдат. Он держался прямо и смотрел солдатам в глаза, он не отвлекал их внимания, теребя свое снаряжение. Его речь, живая и краткая, свидетельствовала о том, что он ясно представляет свою задачу. Он посвятил своих солдат в план действий, и задание стало не только его, но и их делом. Оно должно было завершиться успехом, так как «все было решено», прежде чем восьмой взвод начал действовать. Как же они могли не выполнить задания?

Из этого следуют определенные выводы.

1. Чтобы вдохновить солдат на успешное выполнение боевого задания, надо поставить перед ними такую цель, какой они сами хотят добиться.

2. Чтобы внушить уверенность, говорящий должен стоять прямо, расправив плечи, и смотреть своим слушателям в глаза.

3. Прежде чем начать говорить, он должен знать, что он хочет сказать.

4. Пусть он спросит себя: «Почему я выступаю с речью?» Если он не может ответить на этот вопрос, ему не за чем выступать. Каждая речь должна иметь определенную цель.

5. Не нужно впадать в манерность — это отвлекает внимание.

6. Следует апеллировать к лучшим, а не к худшим чувствам своих слушателей.

7. Речь должна быть краткой, увлекательной и убедительной.

8. Нужно уметь вовремя остановиться. Эффектная речь пойдет насмарку, если она затянется хоть на одну лишнюю минуту. Такой авторитет в области ораторского искусства, как Альберт Дж. Беверидж, писал: «Ни одно изречение не может считаться бессмертным, если в нем содержится такие выражения, как «может быть, я ошибаюсь», или «по моему скромному мнению», или «насколько я могу судить». Великие ораторы всегда настолько уверены в себе, что заключительная часть их речи звучит как неотразимая истина. Они «знатоки своего дела», и простые люди с радостью слушают их».

Чтобы развивать свою индивидуальность и влиять на других, человек должен говорить легко и убедительно. Сол-

даты идут за тем, кто умеет говорить, а не за тем, кто нем, как рыба. Правильно делают командиры, которые раз в неделю собирают подчиненных командиров на совещание и заставляют их говорить. Существует только один способ научиться плавать — броситься в воду. И есть только один способ научиться говорить, а именно: встать и начать говорить. Ораторское искусство приобретается на практике.

Командир может использовать и другой действенный метод — спрашивать у каждого офицера его мнение по какому-нибудь вопросу повестки дня. Сначала многие молодые офицеры будут нервничать и ограничиваться тем, что они согласны с майором Хоувитцером или капитаном Бландербассом. Но со временем они поймут, что легче высказать свое мнение, чем всю жизнь соглашаться с мнением других. Как только новичок добьется первых успехов, нервозность исчезнет, и на смену ей придет уверенность.

Солдаты доверяют тем, кто уверен в себе. Бессмысленно ожидать, что они поверят тому, кто непрерывно колеблется. Нельзя общаться с подчиненными, не раскрывая себя. Ваши знания и наклонности, ваши умственные способности, ваша индивидуальность — все это на виду. Умный человек постарается показать себя в наиболее выгодном свете.

Глава пятнадцатая ПСИХОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ

Недавно в одном военном учебном заведении во время чтения лекции из задних рядов зала раздался раздражительный возглас: «Громче и интереснее!» По своему горькому опыту все мы знаем, как чувствовал себя лектор, и можем только позавидовать выдержке, позволившей ему вынести этот тяжелый удар.

Многим офицерам и сержантам нередко приходится обучать подчиненных. Хороший преподаватель имеет очевидные преимущества перед плохим. Плохой преподаватель сначала вызывает у слушателей сожаление, а в конце концов — раздражение. Человек, не умеющий связно и убедительно излагать свои мысли, никогда не станет выдающимся руководителем.

Чтобы научиться живо и интересно говорить в течение продолжительного времени, надо много читать, так как при чтении накапливаются слова, образы, мысли. Тот, кому приходится преподавать, должен знать, что происходит в мире.

Его обязанность — знать новости в день их появления. Человеку, не знающему того, что известно всем остальным, не воздадут должного даже за знание того, чего еще никто не знает. Ежедневно следует выделять время на чтение газет, журналов и книг. Каждый боевой офицер должен помнить совет Наполеона: «Единственно правильный путь изучения военной науки — это читать и перечитывать книги о кампаниях великих полководцев». Начинаящим лучше всего изучать эти кампании по биографиям.

При углубленном чтении нетрудно заметить, что некоторые мысли необходимо записывать, так как многое из прочитанного забывается прежде, чем его успевают с пользой применить. В хорошей записной книжке всегда можно найти материал для разговора на любую тему.

Хотя чтение — наиболее доступный и богатый источник мыслей и знаний, следует помнить, что мысли, почерпнутые из книг, не будут принадлежать читателю до тех пор, пока он тщательно не продумает их. Самый лучший метод усвоения приобретенных мыслей и знаний — обсуждение их в разговоре. «Человек познает в споре», — говорил Бэкон. Поэтому при обучении следует учить человека систематизировать факты и выставлять неопровержимые аргументы. В разговоре люди делятся своими знаниями и проверяют правильность своих выводов.

При подготовке к занятиям всегда благоразумно иметь наготове больше материала, чем вы намереваетесь использовать. Это не только вселяет в преподавателя уверенность, но и дает ему возможность приспособиться к обстановке, если занятия примут неожиданный оборот. Неиспользованный материал может найти применение в другой раз.

Если занятия проводятся в виде лекции, можно рекомендовать три метода их подготовки.

1. Написать лекцию и прочитать ее. Этот метод наименее желателен из трех, так как в этом случае лектор не в состоянии уделять внимание аудитории. В результате слушатели скоро начинают скучать и перестают слушать.

2. Написать лекцию и выучить ее наизусть. Этот метод имеет свои преимущества, но он требует непроизводительной затраты труда. Если в ходе лекции память подведет, результат может оказаться самым плачевным.

3. Метод импровизации. Материал заранее тщательно подготавливается, то есть лектор точно знает, какие факты и в каком порядке он собирается излагать.

Слова, с помощью которых будут изложены факты, плавно и естественно приходят сами по мере чтения лекции. Этот самый лучший метод не исключает, однако, использования записок.

Возможна комбинация всех этих трех методов, которые необходимо хорошо знать. Следует отметить, что лектор, прибегающий к методу импровизации и не намеревающийся пользоваться записками, должен заучивать материалы лекции и порядок их изложения.

Молодые инструкторы и лекторы нередко жалуются, что они не знают, как начать изложение. Важность хорошего начала общепризнана. Аудитория с первой минуты настроивается на сосредоточенное внимание или на совершенное равнодушие. Если лектор с самого начала сумеет произвести на слушателей впечатление, его будут слушать до конца. Но если он с первых минут не заинтересует слушателей, ему придется продолжать лекцию в очень невыгодных условиях.

Каждый руководитель занятий должен начинать с установления контакта со своей аудиторией. Если же он воображит, что он может заставить других подлаживаться под себя, его занятие обречено на провал. Прежде всего он должен извлечь максимум выгоды из своего внешнего вида, а для этого обязан быть подтянутым и стоять прямо. Стоящий человек имеет психологическое преимущество перед сидящими. То, что хочет сказать руководитель занятий, должно казаться важным еще до начала лекции. Занятие начинается сразу же после того, как руководитель займет свое место. Говорить он должен так, чтобы каждый слышал любое его слово без малейшего напряжения. Те, кому приходится напрягать слух, скоро начинают зевать и перестают слушать.

Первая фраза никогда не должна быть банальной.

Если руководитель начинает с фразы: «Сегодня я собираюсь говорить об организации армии», ему нечего жаловаться, что класс приготовился отдыхать. Банальное начало настраивает на банальность всей беседы, в то время как увлекательное начало готовит к интересному разговору. В классе артиллеристов руководитель мог бы начать рассказ, например, так: «Мы все знаем, что королевская артиллерия — самый большой и самый лучший род войск во всей армии. Но есть и другие рода войск, и сегодня мы будем говорить о том, как устроена кадровая армия, из каких родов войск, кроме артиллерии, она состоит и что делают в бою другие рода войск».

В этом случае класс вводится в лекцию с первого слова «мы». Это и хорошо. Солдаты сразу же ощущают желание послушать. Кроме того, лектор делает заявление, с которым они с гордостью соглашаются: «Наш род войск — самый большой и самый лучший в армии». «Лектор умный человек, — думают они, — его стоит послушать. Продолжай!»

Никогда не следует начинать с сомнительного или раздражающего заявления. Начинать нужно с фразы, которая, не будучи избитой, найдет живой отклик у слушателей. Если аудитория в состоянии всей душой воспринять первые три-четыре фразы лектора, все шансы за то, что она внимательно выслушает и всю лекцию.

Что касается практики проведения занятий, то несколько правил представляют определенный психологический интерес и ценность.

1. Лектор никогда не должен подчеркивать свою одаренность. В аудитории всегда найдутся люди, ослепленные своей одаренностью, и, если что-либо порождает в них чувство неполноценности, они будут стараться оправдать себя, мысленно оспаривая все то, о чем им говорят.

2. Следует излагать положения, а не доказывать их. Стиль доказательств обычно возбуждает у других чувство враждебности.

3. Самым важным личным элементом, который делает лекцию интересной, является воодушевление лектора. Энтузиазм заразителен, как корь.

4. Если вы ставите перед аудиторией вопросы, не разрешайте отвечать на них одним и тем же двум-трем лицам. В обсуждение стремитесь вовлечь всех.

5. Никогда не нужно формулировать вопросы так: «Снукс, сколько батальонов в пехотной бригаде?» Если вопрос поставлен в такой форме, то Сниффкинс или Грейди не задумаются над ответом. Лучше спрашивать так: «Сколько батальонов в пехотной бригаде... рядовой Снукс?» Не называйте фамилию, пока весь класс мысленно не ответит на вопрос.

6. Излагая материал, лектор не должен ходить, иначе класс сосредоточит внимание на его движениях, а не на словах.

Если руководитель хорошо подготовился к занятиям — а ему нечего братья за обучение, когда он не подготовился, — то как бы хорош ни был у него конспект, обращаться к нему следует как можно реже. Частое обращение к конспекту нарушает ход лекции. К конспекту нужно обра-

щаться разве что за техническими деталями и т. д. Кто хочет стать первоклассным руководителем занятий или лектором, тот должен приучиться пореже смотреть в конспект и в конце концов обходиться совсем без него.

Не меньшее значение, чем начало лекции, имеет заключение, так как если заключение хорошее, класс с готовностью воспримет всю лекцию как хорошую. В заключении рекомендуется подвести краткие итоги сказанному, не утомляя класс ненужными повторениями. Никогда не заканчивайте неопределенной фразой вроде: «Итак, кажется, об этом все». Необходимо заканчивать многозначительной, запоминающейся фразой. Говорят, когда старик Самуэль Роджерс рассказал анекдот, который не вызвал смеха, он задумчиво проговорил: «Главное в этом анекдоте то, что глупцы никогда не понимают, в чем его соль». Это вызвало громкий, хотя и запоздалый хохот.

Хороший руководитель занятий стремится создать у класса впечатление, что слушатели достаточно умны, чтобы понять все, о чем говорилось, а в дискуссии он благоразумно создает у них впечатление, будто они сами открыли истину. В каждой профессии есть свои особенности. В профессии лектора самое трудное и самое важное — умение оставаться незамеченным. Аудитория должна думать о том, что говорят, а не о том, кто говорит. Ей должно казаться, что она слышит свои собственные мысли, а не мысли лектора. Пусть слушатели думают, что в их знаниях заслуга принадлежит только им.

Поистине, руководство — это образ жизни.

Глава шестнадцатая ВОСПИТАНИЕ ПРИМЕРОМ

Когда человек поступает на службу в вооруженные силы, он чувствует себя, как рыба, выброшенная из воды. Все для него ново. Возможно, впервые в жизни он оказывается в мире незнакомых людей. Чем скорее он почувствует себя как дома, тем скорее примется за серьезную учебу. Считается доказанным, что на военной службе человек не может быть по-настоящему счастлив и что самое большее, чего можно требовать, это сделать его жизнь сносной. Но хороший руководитель стремится к тому, чтобы все его подчиненные чувствовали себя счастливыми. Того, кто не добивается этого, нельзя считать хорошим командиром.

Принимая новую группу солдат, офицер или сержант

произведет на них хорошее впечатление и завоеует их доверие, если он будет соблюдать определенные простые правила. Первое впечатление о командире обычно надолго сохраняется, даже если оно ложное, поэтому самое благоразумное — заставить солдат немного потрудиться. Прежде чем обратиться к ним с речью, надо дать им минут пять энергичной строевой подготовки. Это создаст у них впечатление, что их командир — человек дела и ему нужно повиноваться. Более того, это с самого начала даст командиру определенное психологическое преимущество, так как он поставит себя в положение человека, который сам судит о своих солдатах и не позволяет им судить о себе.

Справившись с этим делом, командир разрешает солдатам стоять вольно и представляется им. Представление должно быть кратким, не более трех минут. Командир удостоверяется, что новичкам известна его фамилия. Итак, личность его установлена. Теперь он должен постараться быть дружелюбным и произвести хорошее впечатление. Почему бы и нет?

Если он может рассмешить солдат — тем лучше, но смех не следует вызывать за счет кого-либо из новичков. Командир говорит своим солдатам, что он будет поддерживать их, просит их оказывать ему поддержку своей боевой готовностью, опрятностью, подтянутостью, храбростью и призывает свое отделение, взвод или роту быть самым лучшим подразделением в полку. Это в интересах солдат, и они, несомненно, откликнутся на призыв командира, если он возьмет на себя труд правильно руководить ими. Солдаты сами хотят, чтобы их взвод или рота были образцовыми. Средний хорошо воспитанный честный англичанин не хочет «плестись в хвосте». Если солдаты начинают лениться, значит, что-то неладно с командиром.

У плохого руководителя солдаты очень скоро усвоят пороки, которые они видят вокруг себя. Взять хотя бы это знаменитое «плестись в хвосте». Иногда говорят, что самая большая слабость английского солдата — это его склонность плестись в хвосте. Вздор! Лодыри никогда бы не создали империю.

Бич английской армии — это предоставление солдатам возможности слоняться без дела. На все отводится слишком много времени. Мы готовим солдат к сражениям, которые будут вестись с невероятной быстротой, в которых будет дорога каждая минута, и мы же слоняемся без дела, словно время не имеет никакого значения. Психологическое влияние этого просто катастрофично. Возьмем, например,

еженедельные смотры. В среднем они продолжаются не меньше часа, а то и гораздо больше. Смотр начинается с Аббота и продолжается через весь алфавит до Янга, но Янг выстраивается одновременно с Абботом. Зимой солдат замерзает на холоде, летом жарится на солнце — и при этом от него ожидают любви к смотрам. В высшей степени неразумно наказывать солдат за неповоротливость и неподтянутость, если сама система их подготовки поощряет проволочки и праздность.

Неаккуратность подчиненных совершенно справедливо расценивается как нарушение дисциплины. Неаккуратность старших является неизмеримо более серьезным нарушением — не только потому, что она вызывает раздражение, но и потому, что она наносит вред боевой готовности и моральному состоянию войск.

Если хотят сделать солдат подтянутыми и расторопными, от подъема до отбоя все должно двигаться, как часы. Строгая пунктуальность обязательна для всех чинов. Офицеры и сержанты должны подавать пример. Вести за собой — это обязанность и привилегия командиров.

Прежде чем офицер или сержант станет преуспевающим руководителем, его подчиненные должны поверить в него как в человека и как в солдата. Как о человеке, они будут судить о нем по его характеру и индивидуальности, а как о солдате — по его внешнему виду и способностям. Хочешь, чтобы твои солдаты стали самыми лучшими в полку? Подавай им личный пример. Твоя мечта скорее всего осуществится, если твой внешний вид будет безупречным. Если хочешь, чтобы твои солдаты пулей выполняли приказание, подавай команду отчетливо и повелительно. Если хочешь заручиться лояльным отношением к себе, будь лоялен к своим подчиненным и начальникам. Если хочешь, чтобы твое подразделение было самым подготовленным в части, будь самым подготовленным командиром в части. Хорошие семена дают хорошие всходы. Солдаты постараются во всем подражать командиру, которого они уважают. Солдаты гордятся и даже хвастают своим хорошим командиром, ибо они разделяют его славу.

Подразделение — это команда, а его командир — капитан команды. Капитан команды не стоит в стороне, выкрикивая замечания и советы. Он идет в гущу игры, подбадривая людей своим энтузиазмом и примером. Если требует обстановка, офицер или сержант должен без колебаний снять китель, засучить рукава и активно приняться за дело.

Психологический эффект от такого полного единства будет поистине потрясающим.

Солдаты должны отлично знать всех своих командиров, начиная от командира батальона. Слишком часто солдаты считают командира батальона своеобразным полицейским, чья непривычная близость не сулит им ничего хорошего и чье главное занятие состоит в наказании провинившихся. Как же в таких условиях поддерживать моральный дух?

Очень полезно, когда солдаты чувствуют, что командир постоянно и глубоко интересуется их обучением. Командиру батальона следует по крайней мере раз в неделю проводить строевые занятия в каждой из рот, а иногда даже и во взводах. Такие занятия должны проводиться без предварительной подготовки, иначе недалекие командиры рот за несколько дней до них заставят своих солдат «дранть и чистить». Тогда интересная и полезная проверка боевой подготовки станет предметом ненависти и страха.

Командир роты должен как можно чаще проводить строевые занятия с каждым взводом, а командир взвода — с каждым отделением. В свою очередь, младшим офицерам нужно предоставлять возможность проводить занятия в более крупных подразделениях. Это поможет им приобрести уверенность в своих командирских способностях, а вся часть познакомится со своими командирами. Так разовьется дух товарищества и уверенности, непобедимый в дни войны. Несомненно, что солдаты будут скорее поддерживать тех командиров, которых они знают хорошо, чем тех, кого они знают понаслышке.

Если командир хороший спортсмен, то в спортивных соревнованиях он должен представлять свое подразделение. Психологический эффект от его присутствия на поле будет ценнейшим вкладом на его счет. Если он не спортсмен, пусть он займется по крайней мере судейством. Каждый свободный от занятий офицер и сержант должен присутствовать на крупных состязаниях. За сильными, энергичными командирами, живо интересующимися всеми делами своего подразделения, подчиненные пойдут в огонь и воду.

Глава семнадцатая

ВАЖНОСТЬ ИМЕНИ

Говорят, когда Дизраэли приветствовал кто-либо из претендующих на знакомство с ним, лица и имени которого

он не помнил, он всегда справлялся нежным, заботливым голосом: «Как вы теперь чувствуете себя?»

Дизраэли был умным человеком. Он знал, что люди любят поговорить о себе и подчеркнуть свою значительность. Более того, он понимал, что человека больше всего на свете оскорбляет, когда ему говорят, что не помнят его имени. Этим ему словно показывают, что он не имеет ровно никакого веса.

Тот, кто стремится стать преуспевающим руководителем, должен до конца использовать все качества своего характера, индивидуальности и ума. Нельзя заявлять: «У меня плохая память на имена». Руководитель должен считать своей обязанностью помнить имена. Ведь не забываем же мы своего имени и имен наших близких друзей. Если мы забудем их, нас упрячут в сумасшедший дом. Сознаемся, что мы не забываем имен тех, кого считаем нужными людьми.

В каждом своем подчиненном командир должен видеть лицо, имеющее самое большое значение. Дэйл Карнеги, тонкий знаток психологии человеческих отношений, говорил, что «для англичанина его имя — самая важная часть речи».

Это один из первых уроков, который следует усвоить тому, кто стремится завоевать доверие своих товарищей.

Как известно, войска боготворили покойного фельдмаршала лорда Робертса. Говорят, он обладал феноменальной памятью на имена. Как же он запоминал их? На марше он, бывало, едет верхом позади колонны войск и потихоньку спрашивает офицера:

- Какая это рота?
- Рота «Д»¹, сэр.
- Как зовут того солдата, который хромает?
- Снукс, сэр.
- А капрала рядом со Снуксом?
- Снифкинс, сэр.
- А солдата, идущего впереди Снукса?
- Грейди, сэр.

Получив эту информацию и затвердив ее в памяти, лорд Робертс выезжал вперед:

— Хэлло, рядовой Снукс! Что, твоя больная нога все еще беспокоит тебя? Очень жаль, но ты держишься велико-

лепно, рядовой Снукс. Прекрасно! Продолжай идти, дорогой друг, продолжай идти. Командир взвода, позаботьтесь, чтобы рядовой Снукс при первой же возможности получил необходимую помощь. Мы должны вылечить его как можно скорее.

— Вот ты где, капрал Снифкинс! Очень благородно, что ты несешь винтовку рядового Снукса. Именно так и должны поступать командиры. Спасибо, капрал, спасибо.

— Ба! Рядовой Грейди тоже здесь? Сколько же ты прослужил? Восемнадцать месяцев! Но ты шагаешь, как ветеран. Молодой солдат, а подтянут, как и все остальные. Будешь писать домой, напиши родным, что я сказал о тебе. Когда-нибудь полк будет гордиться тобой, рядовой Грейди.

— Отлично, рота «Д». Я горжусь каждым из вас. Когда мы настигнем врага, покажите ему себя. Задайте ему трепку. Стреляйте метко. Пусть он увидит, что такое английские солдаты. Вперед, рота «Д», вперед!

Нужно ли говорить, что рота «Д» получила зарядку на целых десять миль и что теперь ее не могло запугать даже пятикратное превосходство противника.

Меня могут спросить: «Разве метод лорда Робертса не явный обман?» Конечно нет. Никто так не гордился своей солдатской профессией, никто так не любил своих подчиненных, как лорд Робертс. Он был достаточно умен, чтобы понять, какое огромное влияние оказывает на солдата обращение к нему по имени. Заботясь о том, чтобы заранее узнать имя солдата, Робертс был безукоризненно искренен. Он спрашивал потому, что действительно хотел знать. А узнав имя, он помнил его не потому, что имел хорошую память, а потому, что имел большое сердце.

Называя солдата по имени, мы признаем его как личность. Он перестает быть солдатом и становится индивидуумом. Мы дали ему возможность почувствовать его значимость, возбудили в нем чувство уверенности и уважения к себе.

Помнить имена — это не талант, а неумение запомнить имена — отнюдь не признак плохой памяти. Когда мы лично интересуемся человеком, мы без труда запоминаем его имя.

Большинство людей может запомнить около пятисот имен, но при небольшой тренировке человек в состоянии запомнить значительно больше. Можно рекомендовать, например, следующий способ. В специальном блокноте записывается на первое время десять имен, каждое на отдельной странице. Здесь же указываются все подробности, помо-

¹ В английской и американской армиях роты и батареи имеют литерное, а не цифровое обозначение. — *Прим. ред.*

гающие запоминать каждого человека: его специальность, должность и звание, внешность, местожительство и т. д. Запомнив имя, следует при первой возможности заговорить с человеком и при этом назвать его по имени. Во время разговора пужно попросить его рассказать о себе, о семье, доме, работе. Все эти сведения надо занести в блокнот и несколько раз прочитать. Вскоре этот человек начнет чувствовать, что на него смотрят как на лицо, представляющее интерес и имеющее значение. Это очень хорошо и для него самого, и для его командира.

Усвоив первые десять имен, обращайтесь к следующим десяти. Вскоре блокнот докажет вам, что ваши успехи несомненны.

Эффект, которого может добиться старший офицер, обратившись к рядовому по имени, поразителен. Нечего и говорить, что имя следует узнавать окольным путем, а не спрашивать у самого человека. Если имя все же забыто, нужно постараться скрыть это неприятное обстоятельство.

Личный состав должен знать имена не только всех офицеров полка, но также имя своего командира бригады, дивизии, корпуса, командующего армией, а также все интересные и важные сведения о своих старших офицерах: полки, в которых они служили, их должности, награды и т. д. Все это содействует хорошему моральному состоянию войск. Нельзя ожидать от личного состава веры в своего командира дивизии, если они не знают даже его имени. Пока солдаты не знают имени и многих других сведений о своем командире дивизии, он для них не существует.

В армии всегда была традиция — и очень хорошая традиция — никогда не обращаться к сержанту или рядовому, не упомянув его звания. Капрал Снифкинс имеет право быть названным капралом Снифкинсом во всех случаях, а не только тогда, когда он в строю. Рядовой Снукс гордится, когда его называют рядовым Снуксом. Почему бы не дать ему оснований для гордости? Если ему предоставят возможность испытать чувство собственного достоинства, он будет держать себя с достоинством.

Не следует поощрять, чтобы подчиненные называли должности своих начальников сокращенно, по начальным буквам. Главнокомандующий есть главнокомандующий, а не Г.К. Командир полка не должен допускать, чтобы каждый Том, Дик или Гарри называли его К.П. Нельзя называть по начальным буквам и уорент-офицеров и сержантов. Такое обращение звучит как кличка. Не разрешайте себе называть офицера медицинской службы «док»,

а назвав зубного врача «зубодером», не обижайтесь, если он отомстит вам.

Англичан считают людьми, обладающими удивительной способностью к благородному искусству наживать себе врагов. Это не удивительно! Человек никогда не забывает унижения или пренебрежения, даже если это пренебрежение было неумышленным. Превыше всего должно быть правило: «Для англичанина его имя — самая важная часть речи».

Глава восемнадцатая ИСКУССТВО РУКОВОДСТВА

Проблема человеческого характера — самая трудная из всех, с какими сталкивается руководитель. Это относится не только к военным руководителям, но и ко всем, кто занимает должность, дающую власть над людьми. Например, крупный промышленник обгоняет своих конкурентов не потому, что он лучше знает процесс производства, а потому, что умеет добиваться от своих рабочих несравненно большей производительности труда. Самый знающий человек не обязательно становится самым лучшим учителем. Самый способный врач не всегда имеет самую обширную практику. Самый опытный игрок не обязательно бывает самым лучшим капитаном. В руководителе способность воодушевлять и сплачивать отдельных индивидуумов имеет большее значение, чем знания и мастерство.

Однако это не должно огорчать тех, кто старается вооружить себя знаниями и мастерством. Их, правда, часто обходят соперники, которых они считали ниже себя по интеллектуальному развитию. Там, где сочетаются знание, мастерство и способность вызывать энтузиазм, — там появляются Нельсон или Наполеон, Кромвель или Черчилль.

В качестве примера умения воодушевлять мы уже приводили случай из опыта лорда Робертса. Значение этой способности повысится в наших глазах, если мы сравним вышеописанный случай с тем, что произошло бы, принадлежи лорд Робертс к школе «внушай им страх божий». Допустим, Робертс едет верхом позади колонны, спрашивает Снукса, почему он, такой-сякой, ковыляет по дороге, ругает его за слабование и обзывает симулянтом. Снифкинса он называет дураком за то, что тот несет винтовку Снукса, и приказывает вернуть винтовку. «Ты, коротконогий, как бишь тебя», — говорит он Грейди и угрожает ему гауптвахтой, если тот не прибавит шагу. Затем, сказав всем

солдатам роты, что они пользуются дурной славой шайки бездельников и что они позор для английской армии, он уезжает вперед и таким же образом «воодушевляет» там другие роты.

Три часа спустя рота «Д» вступает в бой. Боевой дух роты подорван. У солдат нет веры в свои силы и, конечно, нет никакой веры в своего главнокомандующего. Они проигрывают бой, прежде чем будет сделан первый выстрел, и при этом противнику, уступающему им по численности, подготовке и вооружению.

Когда Наполеон сказал, что «духовная сила относится к физической, как три к одному», он ошибся в сторону преуменьшения. Сейчас психологи пришли к общему мнению, что обычный человек использует только десять процентов своих физических и умственных способностей.

Разница между той силой, которую он использует, и той, которая действительно имеется в его распоряжении, — это разница между тем, что он есть, и тем, кем он может быть.

Хорошим руководителем следует считать того, кто способен уговорить или вдохновить своих подчиненных отдавать больше, чем десять процентов своих физических и умственных способностей, и плохим — того, кто получает от подчиненных меньше десяти процентов. Если учесть, что моральный дух армии численностью сто тысяч человек несравненно выше суммы морального духа ста тысяч индивидуумов, составляющих армию, то нетрудно определить, какое громадное значение имеет этот вопрос.

Поэтому главная задача руководителя заключается в том, чтобы вызывать энтузиазм и у индивидуумов группы, и у всей группы. До сих пор мы сосредоточивали наше внимание на последнем из этих пунктов в ущерб первому. Но можно ли удовлетворяться только десятью процентами боевой мощи и способности индивидуума, когда он сам отчаянно стремится отдать все сто процентов?

«Оружие меняется, — говорил Гендерсон, — но человек, который имеет первостепенное значение при рассмотрении всех вопросов тактики и стратегии, остается неизменным». Имея дело с отдельными людьми, помните, что есть только один путь развить способности любого человека независимо от его звания и должности, а именно: человека надо ценить. Ни один выдающийся руководитель никогда не забывал об этом правиле. «Глубочайший принцип человеческой природы, — говорил один знаменитый психолог, — страстное желание быть ценным». Вероятно, сам

критик отводит душу в своей критике, но как бы она ни была оправдана, она может вызвать у критикуемого только возмущение и упадок духа. Наоборот, высокая оценка вдохновляет человека на самое лучшее.

Однажды — это было много лет назад — одному опытному, умному командиру очень понравился красивый, аккуратный огород его солдата, и он при каждом удобном случае говорил об этом владельцу огорода. От похвалы глаза солдата загорались гордостью и энтузиазмом. Он уже просто не мог допустить запустения своего огорода, так как стремился сохранить не только хорошее мнение полковника, но и собственную высокую оценку, незаметно сложившуюся у самого себя. Он ставил перед собой все более трудные задачи и заражал своим энтузиазмом соседей. В конце концов внешний вид всего квартала, где жили семейные солдаты¹, изменился к лучшему, а люди сдружились и стали чувствовать себя счастливыми.

Если этому командиру был необходим совет опытного огородника, он находил полезным посоветоваться с солдатом, которому не давалось военное дело и который, вероятно, вследствие этого страдал нервным расстройством. «У меня затруднения с тем-то и тем-то, — говорил он бывало. — Что ты мне посоветуешь сделать?»

Это доверие неизменно преображало, воодушевляло солдата. Не зайдет ли полковник к нему в дом? А что он думает об этих помидорах? Может быть, он возьмет фунт или больше? «Хозяюшка, подай-ка бумажный кулек». Он силой заставлял полковника брать самые лучшие овощи и считал себя кровно обиженным, если тот отказывался.

Что же случилось? А вот что. Снукс, с которым никогда не считались, которому постоянно напоминали о его бесчисленных проступках, вдруг увидел, что командир считается с его авторитетом в области огородничества. Возможно, впервые в жизни он почувствовал, что действительно что-то значит. Неважно, насколько туп Снукс, — он не меньше, а может быть, даже больше самого опытного солдата мечтает принести пользу. Тот, кто возьмет на себя труд осуществить его мечту, будет вознагражден в меру способностей Снукса. Его скромные десять процентов могут показаться маленькими наряду с десятью процентами других солдат, но его сто процентов будут в четыре-пять раз больше, чем десять процентов самого способного солда-

¹ Английским солдатам, служившим в армии по найму, особенно в колониях, разрешалось иметь семью. — *Прим. ред.*

та. Нет таких глупых людей, которых нельзя было бы за что-нибудь похвалить. Кто похвалит их, тот будет получать крупные и постоянно возрастающие дивиденды.

Командир не должен упускать возможности высоко оценить выдающиеся действия подчиненного ему офицера. В свою очередь младшие офицеры, уорент-офицеры и сержанты должны поощрять благородные поступки солдат. Необходимо использовать и критику, но никогда нельзя допускать неконструктивной критики.

Чтобы поднять моральное состояние войск и поддерживать его на высоком уровне, необходимо корректно сдерживать раздражительных офицеров и сержантов, склонных к придирам. Если у некоторых командиров придиристый тон, следует попросить их изменить его. Руководитель получит максимальную отдачу от своих подчиненных, если при обращении с ними будет терпеливым, вежливым и внимательным.

В каждой роте или батарее бывают незадачливые солдаты, которые часто подвергаются насмешкам своих товарищей. Кроме того, они становятся жертвами худшего типа сержантов, обрушивающих на них целые потоки ругани. Даже хорошие командиры иногда не в силах превратить этих солдат в старательных военнослужащих. И вот большую часть своей службы эти несчастные солдаты терпят бесконечные щелчки и удары, от которых не умеют быстро увертываться. Хороший командир должен сделать все, чтобы вернуть таким солдатам чувство собственного достоинства. Пусть они займутся чем-нибудь таким, в чем наверняка достигнут успеха, скажем, управлением автомашиной, бегом или гимнастикой. И тут уж пусть командир не скупится на похвалу, даже при самой скромной удаче, причем похвала должна быть вполне искренней. Нельзя, конечно, компрометировать офицерское звание дешевыми шутками по адресу командиров, за исключением тех случаев, когда они сами дискредитируют поведение офицера и джентльмена. Все попытки представить офицеров в невыгодном свете следует строго пресекать. Это вовсе не значит, что командир не должен делать замечания подчиненным, но это можно делать и удачно и неудачно.

Обязанность командира — воспитывать у своих подчиненных привычку достигать успеха. Как этого лучше добиться? С помощью поощрений или с помощью взысканий? Указав ли солдату примерный образец или убедив его, что он дурак? Когда человека нужно покритиковать, разумно прежде всего напомнить ему, что он пал ниже соб-

ственного уровня. Поддержка может подтолкнуть его на большие усилия, а уничтожающая критика — только развить в нем опасное чувство неполноценности.

Возникает законный вопрос: разве с солдатами нужно обращаться, как со старыми бабами? Методы, которые здесь пропагандируются, применялись всеми великими полководцами и давали хорошие результаты. Изучение их биографий подтверждает это. Только отсутствие инициативы и здравого смысла у небольшой части людей приводило к тому, что применение этих методов имело достойные сожаления последствия и для них самих, и для их подчиненных. Пусть тот, кто сомневается в эффективности этих методов, испытает их хотя бы в течение одного дня. Он получит результаты, которые скажут сами за себя.

Глава девятнадцатая

ЗАБОТА О СОЛДАТАХ

Храбрость и дисциплина не помогут армии одержать победу, если она не умеет драться лучше своего противника. Постоянной заботой каждого командира на поле боя является сосредоточение максимального количества войск и боевой техники в определенном месте и в определенное время. «Конечной целью стратегии является решительное сражение, — говорит Гендерсон. — Вряд ли стоит доказывать, что стратег стремится к такому сражению, в котором все возможные преимущества: в численности, местности, снабжении и моральном состоянии войск — были бы на его стороне и которое завершилось бы уничтожением противника».

Бой — вот цель, которую следует постоянно иметь в виду при любой системе подготовки войск. Ни одна армия не выдержит быстроты и стремительности современной войны, если она не будет обладать достаточной выносливостью. Что вызывает основные потери во время кампаний? Не оружие противника, а постоянные болезни, вызываемые неполноценной, плохо приготовляемой пищей, тяжелым трудом, почными дежурствами, недостаточным сном, длительным пребыванием на сильной жаре или холоде. «Мечи и копыя, — говорит один американский специалист по медицине, — стрелы, пулеметы и даже бризантные снаряды имеют меньшую власть над судьбами наций, чем тифозная вошь, чумная блоха и насекомые — распространители желтой лихорадки».

В официальном меморандуме по подготовке войск говорится: «Забота о солдатах — необходимая основа успешной боевой подготовки». Без человека нет боя. Без физически здоровых людей в современных условиях не может быть длительных боев. Без психологически подготовленных и обладающих волею к победе людей не может быть решительной победы. Войну начинают и выигрывают не пикирующие бомбардировщики и танки, не вооружение и снабжение, не карты и местность, а человек.

В работе «Генералы и полководческое искусство» сэр Арчибалд Уэйвел приводит высказывание, которое приписывают Сократу: «Генерал должен знать, как добыть солдатам продовольствие и все другие предметы снабжения, необходимые на войне. Он должен обладать воображением, чтобы составлять планы, и практическим умом и энергией, чтобы проводить их в жизнь. Он должен быть наблюдательным, неутомимым и проницательным. Он должен быть добрым и жестоким, простодушным и хитрым, защитником и грабителем, щедрым и скупым, великодушным и скверным, опрометчивым и осторожным. Все эти и многие другие качества, врожденные и благоприобретенные, ему необходимы. Он должен разбираться в тактике, ибо беспорядочная толпа так же далека от армии, как куча строительного материала от дома».

Комментируя эти слова, генерал Уэйвел пишет: «В этом высказывании мое внимание привлекает прежде всего порядок изложения». Действительно, оно начинается с человека, а не со стратегии и тактики.

В данной книге много говорилось о том, как важно для офицеров и сержантов знать своих солдат. Для хорошего руководства это первое, но далеко не единственное требование. Знание солдат — это только первый шаг на пути завоевания их доверия и уважения. Руководителю следует знать образ мыслей своих подчиненных, их думы и настроения, источник недовольства и тревог, семейную жизнь, прошлое и надежды на будущее. Если он глубоко интересуется солдатами, все это должно быть известно ему. Но для этого он должен быть максимально доступным.

Каждому офицеру нужно приобрести хорошую и удобную записную книжку — своего рода «карманный справочник». Ее следует использовать не для заметок, представляющих временный интерес, а только для сведений, имеющих постоянную ценность. С этим «карманным справочником» в руках офицер может тщательно изучить многочисленные «наставления по подготовке войск» и выписать

параграфы, необходимые для использования на практике: забота о солдатах, сохранение здоровья личного состава, дисциплина, моральное состояние, форма одежды, отдавание чести, строевая и физическая подготовка и т. д. Вот некоторые из пунктов, с которыми чаще всего имели дело эксперты. Выписав наиболее важные из них, офицер глубоко усваивает их. Постоянно добавляя к ним новые мысли, появившиеся при углубленном чтении, а также выводы из своего ежедневного опыта, он скоро превратит книжку в отличное рабочее наставление. С помощью этого наставления он будет выполнять обязанности командира в свете своих собственных правил. Выдающимся руководителем можно стать, только обращая внимание на самые незначительные мелочи.

Важнейший долг каждого, даже самого младшего, командира — поддерживать своего главнокомандующего. Эта поддержка заключается в том, что командир должен вывести на поле боя солдат, подготовленных к бою и уверенных в победе, должен использовать все вооружение и снаряжение. Это положение настолько важно, что его необходимо повторить.

Долг каждого, даже самого младшего, командира — поддерживать своего главнокомандующего. Эта поддержка заключается в том, что командир должен вывести на поле боя солдат, подготовленных к бою и уверенных в победе, должен использовать все вооружение и снаряжение.

Выполнение этой обязанности начинается задолго до того, как войска выйдут на поле боя. В сущности оно начинается с поступления рекрута в армию. Хороший офицер все время заботится об удобствах и благополучии своих солдат. Если войска находятся в лагерях или расквартированы в населенном пункте, он несет личную ответственность за обеспечение их теплым помещением, заботится о том, чтобы в каждой комнате казармы были настольные игры и приемник. Приобрести эти вещи можно на средства из газетных фондов «на удобства», фондов женских ассоциаций и т. д., да и капелланы охотно выделяют деньги на эти цели.

Во время службы войскам нужно предоставить все удобства, какие только позволяет обстановка. В книге «В помощь бойскаутам» опытный ветеран покойный лорд Баден-Пауэлл собрал много полезных сведений для тех, кому приходится жить под открытым небом. Эта книга стоит все-

го полкросны, и ее нетрудно найти везде. Содержащиеся в ней сведения можно сообщить личному составу во время, отводимое на обучение.

Хороший офицер всегда должен стремиться к новым знаниям. Не следует упускать возможности ознакомиться с условиями жизни других частей, так как эти условия даже в мирное время бывают далеко не одинаковыми. Хорошая организация дела позволяет многим частям приобрести столовые принадлежности, а столовые содержать в безупречной чистоте, которой могут похвастаться первоклассные рестораны. Командир должен особенно заботиться о том, чтобы никогда не допускалось ухудшение питания. По опыту прошлой войны хорошо известно, что войска более энергично поступали после хорошего горячего завтрака, чем после посредственной пищи.

Забота о здоровье личного состава — обязанность не только офицера медицинской службы. Профилактика — лучшее лечение. Если солдат постоянно жалуется на плохое самочувствие, значит, что-то не в порядке с его телом или нервами, вероятнее всего с нервами. Может быть, он хочет не столько полечиться, сколько поговорить о своих болезнях. Тут нет никакого преступления, и не следует лишать солдата этой возможности.

Каждый офицер должен быть в состоянии оказать первую медицинскую помощь. По этому вопросу есть много отличных книг, которые легко носить в кармане. Офицер, способный в дополнение к своим обычным обязанностям выполнить и ряд других, будет пользоваться большим авторитетом и уважением.

Во время занятий офицеру не следует отдыхать в штабе роты, когда его солдаты занимаются физической подготовкой. Он должен находиться вместе с ними, во-первых, затем, чтобы посмотреть на их успехи, а во-вторых, потому, что солдаты оценят его интерес к их работе. Если он может, то иногда неплохо проделать все упражнения вместе с солдатами. Это не будет выглядеть как погоня за популярностью, так как обязанность командира — разделять все дела своей роты. Офицера, который проявляет живой интерес к своим подчиненным, не будут волновать проблемы руководства — он уже решил их. Солдаты охотно подчиняются ему. Нечего и говорить, что командир должен предупредить инструктора по физической подготовке, что он будет заниматься вместе с солдатами, иначе он рискует нарваться на обидные замечания по поводу возможных недостатков в своем телосложении.

Мы не намерены превратить эту главу в каталог «намерений для молодых офицеров», а хотим привлечь внимание к психологическому значению тех на первый взгляд незначительных поступков, которые определяют разницу между хорошим и плохим командиром. Каждый добросовестный офицер должен приспособить правила своего «карманного справочника» к психологии подчиненных ему солдат. Командир будет руководить своим подразделением намного лучше, когда он выникнет в психологию самых различных людей, составляющих его подразделение.

Глава двадцатая

ДУХ ТОВАРИЩЕСТВА

В большинстве предыдущих глав речь шла о том, как поставить руководителя в такое положение, которое давало бы ему возможность эффективно руководить своей группой. Одна из его главных обязанностей состоит в том, чтобы развивать и использовать коллективный ум своей группы, заставив ее работать с максимальной энергией и пользой. Другими словами, командир должен воспитывать своих людей в духе товарищества. Мы используем этот термин, предпочитая его всем другим, потому что простой человек сразу понимает, что он означает. Дух товарищества предполагает, что каждый член коллектива чувствует себя частью подразделения, частью организма, в котором каждый член должен выполнять свои обязанности, чтобы достичь совершенства всего подразделения.

Коллектив начинается с индивидуума. Поэтому необходимо понять, что дух товарищества может быть построен только на чувстве собственного достоинства, самообладания, уверенности и дисциплинированности индивидуумов. Нетрудно понять, почему так важно с каждым индивидуумом обращаться учтиво. Такое обращение рождает в человеке чувство собственного достоинства, а подразделение солдат, обладающих чувством собственного достоинства, будет действовать дружнее и драться лучше, чем подразделение солдат, лишенных чувства человеческого достоинства.

Если с человеком обращаются, как с честным человеком, он и поступать будет, как честный человек. Обращаясь же с ним как с бесчестным человеком, его тем самым толкают на бесчестные поступки. Каждого солдата следует изучать как индивидуума и обращаться с ним как с индивидуумом.

В боевой подготовке ничто нельзя воспринимать как догму. Даже строевая подготовка может быть нескучной, если солдатам объяснить ее действительное назначение. Так же и с другими предметами. Каждый солдат понимает: чтобы разгромить врага, необходимо драться лучше, чем враг, то есть стрелять более метко, атаковать решительнее, совершать более длительные марши, преследовать упорнее, действовать дружнее и стремительнее, стоять тверже. Снова и снова необходимо напоминать солдатам о цели и значении каждого элемента боевой подготовки. Если это делается, то боевая подготовка перестает быть нудной и воспи- тает в солдатах дух товарищества.

Многое можно сделать и с помощью физической подго- товки. Армейские инструкторы по физической подготовке не имеют себе равных по активности и квалифицированно- сти, да иначе и не должно быть. Кто наблюдал за рекру- тами, прибывшими в казармы, в течение приблизительно трех месяцев, тот не мог не поразиться их удивительному преобразению. Покатость плеч, бледность лица, раздутость живота, косолапость — все это быстро исчезало под маги- ческим воздействием инструктора по физической подготовке.

В любой большой группе людей, поступающих на служ- бу в армию, есть индивидуумы всех физических и психоло- гических типов — высокие и низкие, полные и худые, тем- новолосые и белокурые, чистоплотные и неаккуратные, тру- долюбивые и ленивые, веселые и угрюмые, честные и бес- честные, добродетельные и злые, умные и глупые. Всех этих людей нужно объединить в коллектив и сблизить их инте- ресы.

Для этого необходим образец. Но какой образец? Чело- век аккуратный, трудолюбивый, веселый, честный, добро- детельный и умный или человек неопрятный, ленивый, уг- рюмый, нечестный, злой и глупый? Если пустить дело на самотек, тогда, как это понимает каждый опытный сержант, победит последний. Поэтому ничего нельзя пускать на самотек. Образец для всех солдат должен быть гораздо вы- ше примера самых лучших индивидуумов данного коллек- тива.

Хорошо было бы для каждого полка и рода войск со- здать свой справочник, который можно было бы за несколь- ко пенсов продавать рекрутам. Он мог бы включать крат- кую историю полка и специально подчеркивать те кампа- нии и бои, в которых полк сражался с особым отличием. Каждый человек хочет играть важную роль, и солдат, с которым мало считаются на протяжении всей его жизни,

испытывает большое удовольствие, увидев себя наследни- ком и преемником длинного ряда героев. Под умным и за- ботливым руководством он с радостью будет напряженно трудиться, чтобы приобрести те моральные качества, ко- торые прославили его полк: храбрость, выносливость, послу- шание, надежность, верность и т. д. Под влиянием общест- венного мнения — каждый член коллектива думает так же, как другие, — он станет презирать лень, неопрятность, тру- сость, непослушание и вероломство, то есть все то, что на- рушает боеготовность подразделения.

После того как в результате кропотливого труда будет воспитано чувство верности коллективу — но не раньше, — можно с успехом перейти к воспитанию в каждом солдате чувства собственного достоинства, самообладания, уверенно- сти в себе и дисциплинированности. Теперь полезно напо- мнить солдату, как изменился он, с тех пор как пришел на службу: он стал подтянутым, опрятным, жизнерадостным. Иными словами, он стал таким, каким ему следовало быть по замыслу его творца. Но солдат — это нечто большее, чем индивидуум с определенными физическими качествами. Ни- какая другая профессия не требует более длительной, бес- корыстной и доблестной службы, чем военная. Вот почему солдат должен обладать не только соответствующими физи- ческими данными, но и высокими моральными качествами. К моральным качествам относятся самопожертвование, вер- ность, надежность, прямота, честность, послушание, дисци- плинированность, храбрость, сила духа, жизнерадостность, чувство товарищества и доброта. Это добродетели, свойст- венные человеку чести. Именно эти добродетели вдохновля- ли отдельных солдат и целые полки сражаться доблестно, не считаясь ни с какими опасностями. Даже люди самых утонченных правил не нашли бы более высоких доброде- телей. Интересно, что люди, привыкшие к тяжелой и опас- ной жизни, — особенно солдаты и матросы — обычно наи- более учтивы с женщинами, добры к детям и животным и проявляют самое искреннее сострадание к пожилым и не- мощным. Существует психологический закон компенсации, согласно которому суровость уравновешивается нежностью, убогость — романтикой. В условиях трудной боевой подго- товки и однообразия лагерной жизни ум солдата особен- но пылко стремится к смелым, красивым добродетелям.

Этот закон психологии надо умело использовать. Мно- гие из солдат вооруженных сил читают сегодня библию потому, что делать это рекомендует высшая власть импе- рии — король. На достижение высоких целей солдат вдох-

повлияют те, кого они уважают и чье мнение они ценят. Пример, внушение, влияние — все средства надо применять для того, чтобы каждый солдат глубоко усвоил целый комплекс идеалов.

Солдат будет больше гордиться своей профессией, а следовательно и собой, если он воспримет ее традиции. Каждому офицеру и сержанту полезно купить книгу бригадира С. Т. Тоумса «Военные традиции». Эта отличная книжница рассказывает о флаге, полковых знаменах, отдании чести, обязанностях в карауле, церемониальных маршах, военной музыке, о форме одежды и званиях. Каждая ее глава дает ценный материал для интересной десятиминутной беседы, способствующей воспитанию духа товарищества.

Английской армии в прошлом, да и в настоящем, свойственны три немаловажных качества: дисциплинированность, дух товарищества и выносливость. Самым важным из них несомненно является дух товарищества. Именно он побуждает солдат делать гораздо больше, чем требует от них простой долг. Чтобы поддержать дух товарищества, никогда не следует против желания переводить солдата из одной части в другую или перемещать из одной казармы в другую, если нет в этом абсолютной необходимости. Такие перемещения вредно отражаются на духе товарищества. Они не только разбивают окрепшую было дружбу, но и вносят беспорядок. Иногда, конечно, перемещения желательны, особенно после возвращения солдата с гауптвахты, когда перемена окружения может облегчить ему начало новой жизни. Ни в коем случае не следует делать перемещения без ведома и разрешения командира роты.

Дух товарищества зависит от большего, чем знаки различия, указывающие на принадлежность солдат к той или иной части или роду войск. Прежде всего коллектив должен иметь какую-то общую цель. В армии общая цель небольших подразделений — взвода, роты, батальона — состоит в том, чтобы продемонстрировать превосходство перед другими подразделениями. Каждый солдат хочет принадлежать к подразделению, которое выделяется из числа других, так как его слава отражается и на отдельных солдатах. Во время занятий по боевой подготовке одно подразделение должно видеть другое, и пусть они соревнуются при каждом удобном случае. Если одно подразделение отличилось в гимнастическом зале, другое следует подтолкнуть отличиться на плацу. Соперничество должно сопровождать каждый вид боевой подготовки — тогда энтузиазм будет поддерживаться на самом высоком уровне. Этого можно достиг-

нуть не с помощью критики, а только с помощью поощрения и подбадривания.

Воспитание духа товарищества в большой степени зависит от офицеров. Если они станут жить одной жизнью со своим подразделением, они воспитают солдат в духе товарищества. Если они не сумеют этого сделать, дух товарищества будет слабым, поэтому офицерам необходимо войти в жизнь своего подразделения, постоянно быть в курсе его боевой подготовки и отдыха.

Глупо утверждать, что во внеслужебное время солдаты стремятся отделаться от своих офицеров. Офицеры, регулярно посещающие казармы по определенным дням недели, вскоре обнаруживают, что солдаты, которые раньше уходили, теперь остаются. На первых порах некоторые солдаты проявляют естественную застенчивость, но затем это проходит. Неплохо, если офицеры принимают участие в настольной игре, в одной из комнат казармы, а солдатам из других комнат роты разрешают присутствовать в качестве зрителей. Очень хорошо всегда проходит игра в рамми, которая помогает удерживать солдат от азартных игр. Используя подобные методы, умный офицер скоро точно установит, что происходит в казарме, а именно это и необходимо ему. Влияние командира должно быть как можно более широким.

На практике доказано, что воспитание верности взводу и роте не мешает, а, наоборот, способствует воспитанию верности всему полку. Эта верность должна находить выражение и за пределами полка. Во время войны дивизия фактически является самой крупной боевой единицей, имеющей постоянную организацию, поэтому нужно воспитывать у солдат чувство гордости своей дивизией. Верность каждого отдельного лица должна простираться даже за пределы дивизии, на весь огромный коллектив, подчиненный верховному командованию.

Постоянная цель всех военных руководителей — духовное и физическое воспитание из индивидуума эффективного члена роты. Духовное и физическое воспитание роты должно сделать ее полезным, действенным подразделением полка, полк — эффективной частью дивизии, а дивизию — эффективным соединением армии. Таким путем создается моральная сила, которая, находясь в распоряжении главнокомандующего, может оказаться решающим условием, необходимым для успешного завершения кампании.

Стр.

Предисловие	3
-----------------------	---

ЧАСТЬ I

ПСИХОЛОГИЯ И МОРАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ВОЙСК

Глава первая. Американская военная психология . . .	7
Глава вторая. Моральное состояние войск — секретное оружие	11
Глава третья. Моральное воспитание войск	15
Глава четвертая. Страх	20
Глава пятая. Назначение дисциплины	26
Глава шестая. Психология дисциплины	32
Глава седьмая. Психология дисциплины (продолжение) . . .	36
Глава восьмая. Женщины	40
Глава девятая. Боевой дух	47
Глава десятая. Идеалы	53

ЧАСТЬ II

ПСИХОЛОГИЯ И РУКОВОДСТВО

Глава одиннадцатая. Характерные особенности руководителя	58
Глава двенадцатая. Характер и индивидуальность	61
Глава тринадцатая. Авторитет	65
Глава четырнадцатая. Индивидуальность и речь	69
Глава пятнадцатая. Психология обучения	72
Глава шестнадцатая. Воспитание примером	76
Глава семнадцатая. Важность имени	79
Глава восемнадцатая. Искусство руководства	83
Глава девятнадцатая. Забота о солдатах	87
Глава двадцатая. Дух товарищества	91

Норман Коупленд

ПСИХОЛОГИЯ И СОЛДАТ

Редакторы Л. П. Жеребцова, А. А. Овчинников

Художник В. М. Морозов

Художественный редактор А. Н. Жданов

Технический редактор А. А. Перескокова

Корректор С. А. Врублевская

ИБ № 4290

Сдано в набор 18.01.91. Подписано в печать 29.03.91.

Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обычн. новая.

Печать высокая. Печ. л. 3. Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр.-отт. 5,36.

Уч.-изд. л. 5,65. Тираж 20 000 экз. Изд. № 1/6544. Зак. 222. Цена 1 р. 20 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.

1-я типография Воениздата.

103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.

1 p. 20 к.